

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*І. Удостовереніе Нѣжинскаго полковаго судьи Крелевецкому сотнику
объ удовлетвореніи заявленныхъ къ нему Рыльскими купцами претензій.
1656 г., 25 сентября.*

Року 1656, мѣсяца сентября 25 дня. За висланемъ насъ, Самойла Сухопаренка, судю полку Нѣжинскаго и всего сѣвера, отъ его мил. пана Григорія Гуляницкаго, полковника нѣжинскаго и всего сѣвера, Войска его царскаго величества Запорожскаго, зъ п. Иваномъ Шенявскимъ, на учинение справедливости зъ Миска Василиевича Дулѣ, бившаго сотника, на сей часъ мешкающаго въ Крелевцу, Иванкови Герасимовичу Соримятникову, Мишкови Пояркови, Борисови Степановичови Спаскому и другъ, купцомъ Рилскимъ, о пошарпане коней, грошей, серебра и розныхъ рухлядей и фантъ, чрезъ товариство непослушное сотнѣ помененнаго Миска Дулѣ, въ которой справе висланний отъ ясновельможнаго его милости пана Богдана Хмельницкаго, гетмана Войска его царскаго величества Запорожскаго, Нестеръ Томиленко, впредъ насъ висланний отъ его милости пана полковника съ теми купцами Рилскими до Крелевца захавши, зъ тимъ меновеннымъ Мискомъ Дулею за все товариство угоду приняли, переставши на повтори тысячи золотихъ, предъ нами висланными становуши, признали, ижъ онимъ во всемъ отъ помененнаго Миска Дулѣ за ихъ шкоди досить стало, квитуючи оного вѣчными часи, такъ чрезъ самихъ себе, яко отъ товариства, покровнихъ и отъ потомковъ своихъ даючи досконалую моцъ помененному Мискови Василиевичови Дули на товариствѣ своемъ по всѣхъ городахъ, где бы въ которомъ городѣ найти мѣль, своихъ шкодъ и накладовъ доходить, о чомъ постановленіе на писме съ подписами рукъ тихъ купцовъ Рилскихъ дано тому Мискови Дулѣ ширей опеваеть, што для лѣпшого вѣри и твердости менованному Дулѣ на писме съ подписами рукъ нашихъ и при печатехъ даемо. Дѣялося въ Крелевцу, року и дня вишей написаннаго.

Самойло Сухопаренко, судя
полку Нѣжинскаго и всего Сѣвера.

Иванъ Шенявский, писаръ
судейский.

(М. п.).

(М. п.).

(Съ копіи к. XVIII в.).

II. Справа зъ Кереберды о проступствѣ одного чоловѣка Дмитра, жителя Керебердянского, который запомнѣвши боязнъ Божию, а маючи свою жону, зъ друую, челядницею пополнилъ грѣхъ телесный; аже тая справа въ книгу сию слово въ слово есть переписана, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Мосці пане полковнику полтавский, нашъ милостивый пане и добродѣю!

Приточилася справа Богу мерская въ той мѣри, ижъ житель нашъ, именемъ Дмитро, невѣсту нанявши на рокъ, яко своей челядници изъ собою по пашню казалъ ехати, въ котрой дорожѣ запомнѣвши боязни Божой и встиду людского, мѣючи жону свою, зъ челядницею въ полю усиловне грѣхъ тѣлесный пополнилъ. Теды тая невѣста, ставши мовила, же тогожъ часу мѣламъ свою зневагу оповѣстити, аже Дмитро мовиль, якъ оповѣстишь, я худобою отбуду, а ты собою отбудешь; що не отпускаючи одъ себе тоей невѣсти, три месеци зъ нею чужоложилъ и такими словы тую невѣсту потѣшалъ: мѣлабъ еси въ собѣ отъ мене зачати, надаривши тебе въ инший городъ отвезу, албо самъ зъ дому отеду. Зачимъ чуючи мы ихъ Богу мерзское дѣло, казалисмо до вязения дати, и того чужоложника переписавши худобу, рейстръ вашой панской милости посилаемъ и о науку вашу милость, нашего милостивого пана и добродѣя, просимъ: що мѣмъ зъ тымъ чужоложникомъ поступити? О науку и повторе вашей милости, нашего милостивого пана и добродѣя, попросивши, въ милостивую ласку вашей панской милости отдаемъ ся. Зъ Кереберды, генъваря 22 дня, 1674 року. Вашей милости, нашему милостивому пану и добродѣви, во всемъ зычливые и слуги найныжшии Стефанъ Дорошевичъ сотникъ, Васко Набюкъ, атаман городовый.

По которой справѣ за проступство помененного Дмитра, жителя Керебердянского, зъ реестру худобы оного присланного отъ пана сотника Керебердянского, то сут до двора полковничого взято за вину: воловъ пять, лошака и ручницу зъ рогомъ; а сотникъ Керебердянский, зо всѣмъ тамошнымъ урядомъ, зъ тогожъ рейстрику помененного проступци, за позволенемъ полковниковимъ, взяли быковъ два, овецъ двадцать и двѣ и жупанъ синий; а остатокъ худобы его, проступци, оставленъ его дѣтемъ. Що для памяти есть записано, року и месеца вышменованого, въ Полтавѣ. (Изъ кн. протоколовъ Полтав. полков. суда, л. 16 об.).

III. Справа зъ Соколки о пополненіи вшитеченства Семеномъ Проциковымъ сыномъ зъ вдовицею изъ же служебкою. Преписана слово въ слово, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Року 1683, месеца ноеврія 27 дня.

Предо мною Павломъ Олексенъкомъ, сотникомъ, Василемъ Котляромъ, атаманомъ наказнымъ, Иваномъ Матвѣвичомъ, войтомъ, и притомности врядовъ насъ былъ Василь Юсченъко, Матвѣй Торговицкий, Василь Матвѣвичъ и при многихъ людяхъ учтивыхъ, пришовши предъ насъ сама доброволне Вовдотия Сѣдаковна, вдова, пропоновала рѣчь свою устно и скаржилася въ тые слова: Мои ласкавии панове! мешкаламъ въ Процика Гончаренъка робою въ дому его, жона его взяла ма прясти въ домъ; тедымъ мешкаламъ часъ немалый и робыламъ, до чогомъ се умовила. Аже чого ткнулось, ижъ Процикъ Гончаренъко зъ самою къ Петру святому до Голтви на ярмарокъ поехалъ, а насъ съ Семеномъ и зъ малими дѣтми на господарствѣ покинули. Теды Семень, синъ Проциковъ, зо мною сталсе играть и жартовать, а далѣй мене такъ подвѣлъ и грѣхъ зо мною, яко изъ жоною до приезде старихъ строилъ; и старие приехали, то южъ того не пересталъ; старие ея попятъ и не чуютъ, а онъ ко мнѣ въ ноци придетъ и зо мною, такъ яко изъ жоною блудъ чинячи, мешкаеть, южъ мя за жону такъ полецаетъ, я ему до сихъ часъ во всемъ поволна была. Теды старие южъ постерегли и мене отъ себе отогнали, а я южъ и непорожна застаю, же южъ чую, що и дитына отъ Семена зачала южъ и ручками и ножками въ животъ шамотаетъ. А онъ мене сироту зъ ума звѣдши, и нѣчимъ одбываетъ. Я тилко Богу и вамъ оповѣщаю, а якъ дитину приведу, Процику въ хату его хочъ окномъ вкину, ижъ синъ его Семень вробылъ. Теды мы, вышъ спецификованный врядъ отъ Вовдѣ доброволное сознание слышачи, безъ всякихъ алтернатій, казалисмо тые слова до снадѣйшое уваги на врадъ записати, що есть и записано, нѣмъ тому слѣшный доводъ станеть.

За тое чужоложество самъ Процикъ Гончаренъко, визволяючи сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору полковничого. (Протокол. Полтав. полк. суда, л. 19 об.).

IV. Справа о покрадене Климова Манченъкова коней Куриломъ Педорченкомъ, злодѣемъ явнымъ, не поеднокротне рознихъ часовъ, поданая намъ зъ Бѣликовъ и принятая до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Року 1690, месеца генъвара 11 дня.

При насъ, старшинѣ городской Бѣлицкой, Ивану Сакуну, сотнику, Анядрѣю Марченъку атаману городовому, Тимошу Доброненъку войту, Микитѣ Шимъченъку, бурмистру, оказалось злодѣйство на Курила Хве-

дорченка на мешкантшу нашомъ Бѣлицкомъ, ижъ многие наши мешкантъци, жалѣючи на Курила за покрадення коней и пчолъ, и инѣшихъ речей. Лечъ же теперешнего часу Климъ Манѣченъко, Савка Уляничъ и инѣшихъ немало, знаючи его злочинность, а звлаща нечасто мешкающего въ городѣ, имѣюмъ (sic) шкodu въ конехъ. Много въ промолчаню тривали, поки онъ въ Бѣлики явился. Сегожъ настоящего року, генѣвара 3 числа, речений Курило зъ Московскихъ слободъ явился въ Бѣлики, заразъ инѣстикгаторове его Климъ Манѣченъко, Савка Уляничъ и инѣшие изимали его, подшивающего потаємне въ Климихи вдови, и приведши предъ насъ, урядъ, предъложили атестацию на Курила, же онъ власнии конѣ ихъ покравъ, на що мененние инѣстикгаторѣ, отдавши своего злочинѣцу до вязеня, и просили майстрату Полѣтавского о прислания зъ Полѣтавы въ Бѣлики якого особу ведлугъ прислухання ихъ жалобы и мистра Полѣтавского за для проби Курила Педорченка. Якожъ по жаданю мененныхъ наступцовъ, зсланъ былъ отъ майстрату Петѣро Юриевичъ, бурмистръ Полѣтавский. Що мы, урядъ городовий Бѣлицкий засѣвши посполу зъ высланимъ майстратовимъ Петромъ Юевичомъ и инѣшими значными нашими старинними Бѣлицкими людьми, судили его за злочинность его подлугъ роздѣлу 14 въ Статутѣ Литовескомъ опѣвующого, за що мають быти злочинци горломъ карани. Еднакъ за многимъ свѣдѣтельствомъ и переведеннямъ лица злодѣйского на Курилу, казали одного злочинѣцу отдати мистрови до рукъ на трикратную пробу; аже на всѣхъ трохъ квестияхъ признавался до своего злого учинѣку, що его самого была справа до покраденю коней и Романовихъ грошей, пчолъ Филиповихъ Слюсаренѣковихъ и инѣшихъ речей, хѣго на его жалѣковалъ. Въ чомъ мы дослухавшися Курилового признатя, ознаймили старшинѣ майстратовой, аби злочинѣца не билъ удаленъ отъ карности злодѣйской смертельне, якої заслужить, любо жъ Хведорчиха, мати Курилова, много передъ симъ виручала и окуповала его, злого сина, отъ карности злодѣйской, и теперъ, видячи его по заслугъ остатную конѣчину, милость показала надъ сыномъ своимъ и поступовала за него цѣну окупу, жебы не билъ обвѣшенъ. Еднакъ инстикгаторове не барзо настоять на его смертельную карность, а особливе ведлугъ прозби Хведорчишиной, дали дефелгацию злочинѣци и припустили на волю уряду мѣского. Зачимъ мы, урядъ городовий, ознаймовали о томъ его милости пану полѣковникови, добродѣви нашему, якъ будетъ его добродѣйская справовати воля и милость. Увѣдомивши одъ насъ слушне, его милость панъ полѣковникъ о томъ, що мати Курилова ручиться за сина своего, а людского злочинѣцу, обдарилъ сина еи животомъ и казалъ пустити на покаяние; а за тую поруку, що Хведорчиха поручилася за сына и за его злодѣйское Курилово проступство, взялъ его милость панъ Феодоръ Жученъко, полѣковникъ Полѣтавский, за вину у Хведорчихи млыновие кола на рѣцѣ Ворсклѣ, на висшой греблѣ Бѣлицкой и лѣсъ Куриловъ Хведорченковъ,

на томъ боку Ворсклы стоячий, противъ Крутой стѣнки, въ державу себѣ колимъ (sic) служачий; а его Курилови злочинства въ книги чорние Полтавские и наши Бѣлицкіе въ далшую памѣять казаль записати. Що по его паньскомъ росказаню есть въ Бѣликахъ записано року и дня вишей писаного. (Протоколъ Полтавск. полк. суда, л. 80).

V. Рѣшеніе Борзенскаго сотеннаго уряда по иску о наслѣдствѣ въ движимости.

Декабря шестого дня (1664 г.). Пры бытности уроженого пана Петра Забѣлы, судьи енерального Войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого, на вряде Борзеньскомъ, кгда Татіяна, пасерба Холявчина, доходячи близкостю материзны своее на Марии Холявчине, второй мал-жонце, по змертю матки своее, то есть овецъ осмерга, зъ которыхъ вы-сведчили были, трое овецъ у Андрия Жлуктенька, якобы ее материстие. Андрий теда Жлуктенько слушний доводъ на тое далъ, же его были отчистые овцы; зезнавать на тое Грицко Артюшенько, атаманъ Коно-топский, и много людей. Судъ зобополный варуючи того, абы Татіяна, дѣвка, пасерба Холявчина, въ тыхъ то овцахъ не турбовала, а нѣ ся не увязовала, наказуетъ; на що за потребованьемъ стороны до книгъ есть записано. (Изъ Борзенской ратушной книги).

VI. Постановленіе Борзенскаго сотеннаго уряда по жалобѣ Никифора Даниленка, обывателя Красиловскаго, на Федосія Заику и его сыновей за побои, нанесенные отцу Даниленка.

Року 1676, месеца февраля 20 дня. На вряде нашемъ Борзенскомъ, предъ нами Стефаномъ Петровичемъ Забѣлою, судею войска его царского пресвѣтлаго величества Запорозского на тотъ часъ будучимъ, Андрѣемъ Шулгою, атаманомъ городовымъ, Мисѣемъ Даниловичомъ, войтомъ, постано-вившимся Ничипоръ Даниленко, обывателъ Красиловский, привезшы отца своего избитого сродзе, ускаржался на Хвеска Заику, втежъ обывателя Красиловского, и на сыновъ его, и съ обтяжливимъ плачемъ въ тотъ способъ, ижъ будучи ми въ корчмѣ на подпитку и заводъ взяли изъ Романомъ Гапоненкомъ, и въ томъ нѣчого намъ не шкодило и не есть виненъ въ тоей справе и въ томъ бою, лечъ припавшы Хвеско Заика изъ сынами своїми, сталъ отца моего забивать и насъ, же мы боронили отца своего, и такъ избили отца нашего, не знаю чили будетъ живъ, а за обжалованямъ оный Хвеско Заика на день завтрейший изъ Гапонен-комъ поводовой сторонѣ ставшы на отповедь, ачъ Гапоненко ис себе наипервей выводъ далъ, ижъ въ тымъ бою не есть виненъ, лечъ на Хвеска

той бой перейшолъ. Урядъ выслухавши всеей ихъ контроверсие, изсилаеть за упрошенемъ Ничипоровымъ Даниленковымъ для огледаня оногo побою и ранъ, заданыхъ на Даниле, пана Лаврена, хоружого, Якова Красиловского, Хвиля и Ивана Хвиленка, абы оное побите узнали. Которие бивши тамъ и видѣвши на Даниле оной бой и рази (?) барзо избитие, предъ нами, вышей реченнымъ урядомъ, зезнавали въ тие слова мовячи: ижесмо видѣли на Даниле старомъ рази (?) барзо битие сродзе на грудяхъ, подъ пицками синые, а на тыхъ разяхъ ажъ и шкура посбиваная, и тое собѣ избыта менилъ предъ насъ отъ Хвеска Заики и отъ синовъ его все, а Гапоненка визволялъ, же въ томъ не есть виненъ. Урядъ вислухавши поводовое стороны жалоби, яко и оглядяня ранъ презъ тыхъ людей, оную справу для памяти лепшой и певности велѣтъ до книгъ мескихъ записать. Тутъ же при записаню оной справы Яковъ Красиловский на Ничипора Даниленка домовлялъ: Оглядайтесь, мовит, и ви назад, бо и ви не зусѣмъ добре зостае; Ничипоръ комень намъ заложивши домовлялся и о тое святое справедливости, мовячи: якие ми люди злие, а кгда по дойшлой справе межи обома сторонами, Даниломъ и Хвескомъ Заикою псѣ синами и прощение обе всемъ взяли вечистое, жадали в сего уряду, аби жаднихъ пометь и упоминковъ въ тоей справѣ межи оными не походило; а кгда бы которая сторона мѣла вицати, тоди вини заплатит таковой: на судъ енералный золотихъ сто, а на Борзенский урядъ золотихъ пятьдесятъ и караня [срокого не уйдет. А сюю справу, яко ся точила, урядъ велѣтъ для памяти лепшой въ книги записать, що есть и записано. (Борзенская ратушная книга).

VII. Дѣло объ убійствѣ „наймички“ ея хозяйкою Пелагеей Плющенковою.

а) Постановление сотеннаго уряда.
Року тисеча шестсотъ осмѣдесять девятого, месеца мая двадцат девятого дня. На вряде нашомъ Борзенскомъ, передъ нами Петромъ Макаровичомъ, атаманомъ городовымъ, Кириломъ Марковичомъ, войтомъ, и при бытности пана Ивана Сухини, высланого зъ Батурина, и значного товариства Семена Заборки, Андрея Петровича Саломахи, Ивана Павловича Круглика, Мойсѣя Денисовича, Савы Даниловича, бурмистра, и многихъ мещанъ Борзенскихъ при томъ будучихъ, ижъ постановившиися Тишѣко Батюта, житель Миколаевѣвский, съ притомною малжонкою своею, утемежливе и жалосне, зъ немалимъ жалемъ оповѣдали, ускаржаючи на Пелагию Грициху Плющенкову жону, дочѣку Нестора Короповѣского, жителку нашу Борзенѣвскую, же власную дочѣку Тишѣкову Батютину, найма Екатерину, девицу, въ небытности самого господара, подпилю будучи, служащую наймичѣку свою, чи зъ умыслу, чили зъ

трафунку, о томъ Богъ всемогущий знаетъ, невѣдомо за якую причину, а зъ належного своего жонского поступьку, чого бы ей не годило чинити, порвавъшися до ручьницѣ, любо не зналася, же была заправлена, Екатерину наймичку свою, а дочьку власную жалосного отца Тишъкову, на смерть зъ ручницѣ застрѣлила. О томъ, якъ за обжалованемъ жалоснимъ инквизиція свѣдѣчачи продуковала и на врьде нашоу припозваная Пелагия Грициха Нестуровъна за пытанемъ, мусила признавати забойство, про що бысть таковий злий учинокъ учинила, зъ якого ранкору, або за який виступокъ смѣла на смерть забити девицу наймичку свою? То призналася добровольне, тилко, мовить, было причины за одну фанту кармазиновую старую, що удерто шмать полы; питаламъ, если то ти учинила шкodu, — тилкожъ она, небожчица Екатерина, мовила, же я того не привинна, не знаю и не видаю, бо тое еще при самомъ господарови, якъ до войска нейшолъ, учинилося ударте. И за тую причину хотѣламъ пострашити, поставиламъ ей на той фантѣ, узавъши ручьницу съ колка, а правдѣ не знаючи, ижъ была заправлена, якъ звела куроу, безъ подписьки опустился, не вѣдати зъ чого спалило на пановьцѣ, и застрѣлила небожчицу на смерть. По такомъ признатю то, заразы тую забойцу Пелажку Грициху Нестуровъну велѣлимо дать до вязения, а тѣло забитои девицы, що лѣтнього времени нельзя долго держати, урадовъне записавъши, до гробу отпровадити. А що Тишъко Батюта, небожчикъ, Екатерининъ отецъ, не барзо инстикговать, то мы зуполный урядъ засѣлий до високоповажного суду енералного, виписавъши о такомъ зайсте неслиханомъ забойстве сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, просячи науки покорне, доносимъ знати, и всю справу висвѣдчивъши небожцѣ забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣли явне вести, за намовами людскими и прозъбою, склонился до згоды и вже сталася певъная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода. Судъ поважный енералний, на волѣ ся то стало инъстикгаторекой допустилъ и того, ижъ въ той справе поеднали, не ганилъ и не розривать... (конца нѣтъ).

б) Отвѣтъ генер. суда на представленіе сотеннаго уряда.

Мои ласкавіе приятелѣ, пане атамане и войте Борзенские! Пишете до насъ, даючи знати о томъ зайсте неслиханомъ забойстве, сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, въ небытности самого господара, подпшое, же небожку застрѣлила, чи зъ умыслу, чили зъ трафунку, о томъ Богъ Всемогущий знаетъ, и воздасть комуждо по дѣломъ, яко ширей въ писмѣ ваша милость выражаете. Милость всеимъ освѣдчоную небожчици забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣлѣ явню вести, и якъ за намовами людскими и прозъбою склонился до згоды, и вже сталася певная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода

на волѣ то стало инстикгаторской, того южъ и ми судомъ нашимъ въ той справѣ поеднаня не розриваемъ, однакъ гриху и помсти Божое варуючися, безъ карности такого проступѣства мимо законъ Божий, повинность наша судовая пуститъ такъ заразъ тую забойцу не повелѣваетъ, бо если право святое отцевъ, который бы сина своего хотячи и нехотячи забилъ, указуетъ рокъ на шесть недѣль у везеню седѣти, а другой рокъ въ соборѣ церковномъ себе чтирикротъ на празники обличати, а сеей забойци Грицисѣ, которая подпилою будучи, знати зъ ухвальства своего надъ служебкою такое окрутное дѣло пополнила, овшемъ треба карности дати. Зачимъ, абысте ей дали до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое сѣдѣня способна, а ежели набить прикра, то въ якую комору крайнюю ее посадѣте, жебы слюта не досаждала; где маєтъ седѣти рокъ и шесть недѣль ведлугъ права, за свой виступокъ, или вину пеняжную ровную зъ нагородоу укривжоному нехай намъ суду отдасть, ежели захочетъ фолкги и волности отъ сѣдѣня, кдижъ и вина Божая есть. Тилко маєте, ваша милость, отъ насъ информации въ той справѣ ихъ, жебы такъ, а не иначе было, мѣти хочемъ, яко будучи вамъ всего добра приятель зычливый, ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского судя на мѣстцю ясновелможного его мил. пана гетмана зостаю Михайль Вуяховичъ рукою.

в) Увѣдомленіе генеральнаго суда объ освобожденіи Плющенковой отъ заключенія.

Мой ласкавий приятеле пане атамане Борзенський и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Пожеважъ Грициха того своего злого учиньку жалуючи, досить тому укривжоному отцеві зешѣлое забитое небожчицѣ съ того свѣта учинила, сорокоуста за душу ее уеднала, теди судъ нашъ респектомъ и малихъ дѣтей, и прихилившись на прозбу отца Грицишина и дядка, отъ вязеня увольняетъ, съ которого абысте, ваши милости, южъ жадного датку не витягаючи, выпустили и въ домъ до дѣтей пойти и вольно мешкать (памятаючи на грѣхъ тотъ, жеби до покути ся доброволне удала) позволили, притом того пильно хотячи мѣти. И остаю на завѣше, (зъ Батурина мая 28, 1689 року) вашимъ милостемъ всего добра зычливымъ приятелемъ, ихъ царского пресвѣтлого величества Войска Запорозского енералний судя и наказный гетманъ Михайль Вуяховичъ рукою. (Изъ Борзенской ратушної книги).

VIII. Рѣшеніе переяславскаго сотеннаго уряда по спору между ратушными подданными, за наследство.

Року 1717, мѣсяца іануарія дня 7. Предъ нами Іоаномъ Іляшенкомъ, сотникомъ полковимъ Переясловскимъ, также паномъ войтомъ Переясловскимъ, приточилася справа промежку людьми, имено: Левъко Лисенко, житель Малой Каратулъ, зъ Савъкою Решетникомъ, жителемъ Комарувскимъ, подданными ратушными, заводъ мѣли промежку собою за лѣсъ небожчика Хвеска Барила, дѣда Левъка Лисенъка, который лѣсъ небожчикъ отказалъ по смерти своей своимъ дѣтямъ, рожонимъ синамъ двомъ, которые еще остались въ маломъ зростѣ (и ?) застають въ Левъка Лисенка. Теди тие (sic) житель Комарувский въ тотъ лѣсъ втручается въ Ширинувъскій. Теди ми разсмотрѣвши, приказали тимъ обомъ сторонамъ того лѣса не пустошить, жеби единъ другого досмотрувалъ до зросту тихъ сиротъ. А ежели би единъ другого засталъ, же будетъ пустошити, то покладемы вини на его милость пана полковника талярей тридцять, а на судъ полковий талярей двадцать. Що для лучшого увѣренія видаемъ тимъ обомъ сторонамъ съ притисненіямъ печати писание. Дѣялося року и дня вишписаного. м. п. м. п. (Съ подлинника).

IX. Шесть рѣшеній Полтавскаго полкового суда по разнымъ уголовнымъ дѣламъ. 1683—1700 г. г.

а) Справа Василева Собкова, жителя Супруновского, передъ симъ двома разы ловлено на чужоложствѣ, а теперъ Настя, удова Юрчиха, яку онъ, Собко, тожъ хотѣлъ зквалтовати, выбила зъ своего дому значне.

Року тисеча шестсотъ осмдесятъ третего, мѣсяця септеврія дня сегого. Предъ нами Костею Кублицкимъ, судею полковимъ Полтавскимъ, Андреемъ Нацинскимъ, атаманомъ городовымъ, Тymoшомъ Кгаевскимъ, зосланнымъ на врьдъ от его милости пана полковника Полтавского, и при бытности Мины Павловича, войта, Петра Юревича, бурмистра, и многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, ставши Настя Юрчиха, прозиваемая Гноиха, жителька зъ села Супруновки, оповѣдала намъ жалъ свой и ускаржалася на Василя Собка, тогожъ села жителя, мовечи: Панове врьдовые особы, въ середу прошлую, септеврія 5, подиивалисемо зъ иншими жонами зацными, въ егожъ Василевомъ дому Собковымъ, медъ; которого просиламъ, жебы и мнѣ повѣрилъ меду кгарнець. Однакъ реченъный Собко сказалъ мнѣ: же и такъ правѣ много есмъ винна, не повѣру; а потомъ повѣрилъ кгарнець и другой меду, который я зъ людьми зацными подиивала. Аже видячи себе подпилую, пошламъ до госноды своей, отъ тыхъ

людей зацныхъ, и пришедши ку домовце, легламъ спочивати на землю позачинявши дверѣ, албовѣмъ унукъ мой Иванъ тогда былъ на току. Теды помененный Василь Собко, пришовши до моей господы, отворилъ помаленку дверѣ, и пришовши до мене, торкнулъ у плечи и мовилъ: будь правѣ мнѣ поволна, а я южъ и тыхъ чтирохъ шаговъ за медь въ тебе правити не буду. Я зась зъ постели схопившись, почаламъ его биты, первой въ сѣнехъ, а на потомъ и на дворѣ быламъ его истикомъ, що видѣли жоны зацные: теслиха Гладкая и Иваниха Чорненкая. Тутъ же припозванъная предъ насъ теслиха Гладкая, подъ сумленемъ признала, же и я, мовить, видѣла, якъ Настя Гноиха была Собка истикомъ, а Иванъ унукъ оной, бѣгучи съ току, говорилъ Настѣ: за що ты, бабо, бѣеши чоловіка? Она правѣ сказала, же я его не бю, але даю; и побѣгъ, мовить, Собко южъ не у ворота, але черезъ тынъ и черезъ левады, и не ночоваль въ домовце, лечь въ Семенка, жителя тамошнего, черезъ ночь былъ; до чого и самъ мененный Собко признался, же оттоль и челядника правѣ посылать на довѣдки, що ся дѣбеть въ старшины. Любожь атаманъ Супруновский и питался реченного Семенка, чи въ него ночоваль Собко, однакъ онъ тайлся; теды асаулци южъ самы найшлы Собка въ Семена оного. Зачымъ мы, вышменованный врьдъ, выслухавши повѣсти добровольной и скарги Настиной Юрчишиной, такъ тежъ и свѣдома признанного подъ сумленемъ теслихи Гладкой, а поневажъ и самъ реченный Собко Василь того не тайлся и мовилъ, же била правѣ мене Гноиха у своемъ дому. Теды узнавши его быти виннымъ и до вязеня давши, справу сию отложивши на далний часъ, записати казалисмо. А потымъ достатечне вѣдаючи, же помененный Василь Собко на чужоложствѣ не поеднокротне зловленный, и именно: за пана Прокопа Левенца полковникуючого, реченный Собко на томже чужоложствѣ былъ зловленный, где приплатился пану Левенцеву и врьдову мѣскому значне; за пана Леонтия зась Черняка, тожъ полковникуючого, зыманный былъ тотже Собко на богомерзкомъ дѣлѣ зъ быдлиною, именно зъ шкапою; аже и тогда врьдову мѣскому платилъ выну належную, а панъ Чернякъ туюжъ шкапу, зъ которою его Собка зловлено, взять за проступство оного. Теперь зась, потрете, помененный Собко досвѣдчонный сутъ въ томже богомерзкомъ дѣлѣ, же хотѣлъ былъ невѣсту, помененную Настю, усиловне згвалтовати и пополнити зъ нею грѣхъ содомский, которая недавшись оному, выбила зъ двора своего при людехъ зацныхъ, значне. Теды за такое проступство и чужоложество въ богомерзкомъ дѣлѣ, помененный Василь Собко, ничего иншого, тылко смертельного заслужилъ карантя конечно. Однакъ мы, 24 септеврия выпустивши Собка зъ вязеня и углядѣвши на его въ подейшлихъ лѣтахъ старость, выну належную панскую отобравши, смертельнымъ горловымъ даровалисмы оного каранемъ. Тылкожь тое варуемъ пилно, же еслибы реченный Василь Собко еще въ томже богомерзкомъ поткнулъ дѣлѣ и зловленный былъ четвертымъ розомъ на чужоложствѣ,

теды безотпустне караня смертелного не уйдетъ конечно. Справу зась сию властью нашою судейскою судилисмо и декретомъ прикривши, до книгъ мѣскихъ Полтавскихъ казалисмо записати, що и есть записано. Дѣялося въ ратушу Полтавскомъ, року, мѣсяца и дня звышменованного. (Кн. проток. Полков. полтав. суда, л. 14).

б) Справа Иванова Божкова зъ Нового Санджарова о пополненнѣ злого учинку въ чужоложствѣ зъ дѣвкой Марей Луциковною, служебницею.

Року Божія 1684, месеца июня 18. дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника Полтавского, предъ насъ Кости Кублицкого, судѣ полку Полтавского, Андрея Нацийьского, атамана городского, Федора Суховѣя, войта, Петра Юревича бурмистра, и при многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, постановившихся предъ насъ, Маря Луциковна зъ Нового Санджарова, служебница Иванова Богова, втежъ обывателя Новосанджаровского, скарги свои жалосливе плачливе предложила въ тень способъ: мои ласкавие панове, несподѣванне позбыламъ паненства моего, отъ господара моего Ивана Бога, который мѣючи челядника Яцка, и минѣ велѣлъ за собою иты, задля улевъ двоухъ; яжъ, по розказаню его, принесла улевъ два въ пасѣку за Ворсклу; яжъ тые улевъ два положивши въ катразѣ, въ пасѣцѣ, и пошла была до дому. Онъ господарь мой Иванъ спитать: куди ты идешъ? Ямъ отповидѣла: къ дому иду; на то господарь мой сказавъ: позгоды, обручовъ первѣй врубаю. А Яцко наймитъ подалъ и рунѣ рубавъ. Обручовъ же нарубавши толко, колкобъ могламъ къ дому принести и лыкъ зодравши и звязавшы, тые обручи положилъ долѣ на землю. Заразъ же и мнѣ, бѣдний сиротѣ, усилене кгвалтъ той справивши, паненства мя позбавилъ, и яжъ тые обручи по розказаню его понесла къ дому; и не мѣючи кимъ освѣдчити, по розказаню господарескомъ мусѣламъ терпѣти, а на потомъ и сказаламъ господинѣ моей. Выслухавши скаргъ реченной служебницы Ивановой Боговой, содомчика оного велѣли до везеня дати, отложивъши тую справу на далнѣйшій часъ. Писанъ въ ратушу Полтавскомъ.

Року вышъреченного, месеца июля четвертогонадцят дня. Предъ врьдъ нашъ мѣский Полтавский, особъ вышмененныхъ, ставши ку законъченю тое справи панъ Яковъ Мелещенко, сотникъ Новосанджаровский, выразилъ словне: Панове, ткнулася и насъ тая справа Иванова Богова о условный кгвалтъ Мари Луциковнѣ въ лѣсѣ. Посилаемъ Романа Юсченъка, хоружого нашего сотницкого, и при немъ Миска Шемберка, Семена бурмистра и Дацка Слыша, абы слушне, правдиве углядѣли тыхъ мѣстцъ, гдѣбы ся тень кгвалтъ Мари сталъ; но то посланіе реченнѣ такъ сказали: Вправдѣ то видѣлисмо тое мѣстце, где тень кгвалтъ Мари

сталь, и на якомъ мѣстѣ таяжъ Маря сказала, тамъ была потолока, и гдѣ обрубъ рубаль вершина въ пущѣ и лутины где лыка на липинѣ драгъ. Самая истота въ нецотливыхъ поступкахъ на Ивану Богу слушне ся показала. Выслухавши мы повѣсти реченьного пана сотника и хоружого его, и Дацковой Слышовой, товариствъ Новосанджаровскихъ, а при той справѣ стоячи Иванъ Богъ, просилъ надъ собою змилованья: Панове, змилуйтеся надо мною, южемъ и сповѣди святой выслухалемъ, грѣхъ то мене смертельный споткалъ, мѣючи мнѣ и жону мою, а тогомя грѣху смертельного допустилъ. Выслухавши мы слушныхъ доводовъ и повѣсти Ивановой Боговой, поневажъ то грѣхъ тень смертельный справилъ, панѣнства Мари Луциковнѣ позбавивши, вынайшлисмо декретъ зъ правъ майдебурекихъ, въ порадку обширнѣй написаномъ, о невѣстахъ и о дѣвкахъ, на листѣ третемнадцатъ: «невѣсту, albo дѣвку хтобы згвалтили, теды таковая мѣтъ предъ врьдъ оповѣсти, где бы ся тое стало, еслибъ въ полю albo въ дѣсѣ, тень збродень по сповѣди мѣтъ на горле скаранъ быти зытемъ шию». А поневажъ просилъ насъ Иванъ Богъ надъ собою змилованья, даровавши его смертелною карностю, приказуемъ, абы Мари нагородилъ слушне, за збавене панѣнства ея, зъ нагороженемъ вины панъской и намъ належной врьдовой. Справу сию велѣлисмо въ книги мѣскіе Полтавскіе вписати; що сіе есть вписано року и дня вышменованного. Дѣвчина заплата од Ивана Божка за збавене панѣнства: корова една, якую сама сподобасть; овецъ пятеро; курта шиптуховая, баранками подшитая; ложникъ и подушка; плахта една; сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботы червоніи; поясъ штучковый; хлѣба на его жъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, то за тое особливе платити повинъ. (Т. ж., л. 20).

в) Справа прибышовъ розныхъ.

Року 1689, мѣсеца іюля 28 дня. Передъ насъ Леонтия Черняка, на мѣстѣ пана полковника зостаючого, и при бытности Ивана Красноперича, судѣ полкового наказного, Андрея Нащиньского, атамана городского, Анѣдрея Яковлевича, войта, Петра Юревича, Криска Іосифовича, бурмистровъ, и при многихъ зацнихъ персонахъ, постановленный предъ насъ Хвеско Буряченко, прибышь, такъ доброволне визналъ: Панове, самую доброволную правду вамъ повѣдаю: Юско Хведченко Хведорковский водилъ насъ въ прибыштва презъ усю петровку року теперешнего, и всюдисмо комори розбивали и выкладали, людей обдирали, о которомъ поворотѣ нашомъ знали и всѣ приятели его, що мы чинили; а онъ Юско давний есть злодѣй и всѣ складки наши въ приятелей Юсковихъ знайдовалися: кожухи, жупани и платя бѣлое жоночое, и казанъ, который на Горбанювцѣ вкралисмо; а въ Кулинчихи Милчанской особливе нами

вкрадена курта и кожуховъ чотире, которые вси речи забравъ Юско до сховаия. Овожъ, панове, болшей не питайте; остатнюю вамъ правду повѣдаю, же Юско цѣлий злодѣй, такой же, який и я; по рознихъ мѣсахъ розние шкody чинилисмо, крали и розбивали, и тое все поховано въ лѣсѣ, въ пасицѣ Мари, тещи его; и онъ Юско говоривъ мнѣ: колибы не трусили подъ улями въ пасѣцѣ тещиной—то понаходятъ много рупесковъ, бо тамъ есмо все поховавъ поподъ улями.

Тутъ же Василь Скучко, прибышъ, повидѣлъ доброволне: я тилко три недѣлѣ ходивъ съ прибышами, зъ Хвескомъ Опошлянскимъ и зъ Грицкомъ блукали; тие и теперь въ лѣсахъ въ прибышахъ ходять, людей розбиваючи.

Тоеи жъ компанѣи прибыской, розбойникъ Петро Опошлянский зъ села Заичинецъ Кореуненко доброволне визналъ: я всю Петровку сего лѣта ходилемъ съ прибышами, розбиваючи; многесмо шкody людямъ строили въ розбойи и въ краденіи коморѣ. Мы теди видѣчи явнихъ збродневъ розбойниковъ и при лицѣ зостающихъ, болшихъ доводов не потребуючи, и не допускаючи злимъ на свѣтѣ жити, такъ ижбы ся тая злость въ городѣ и по селахъ не дѣяла, прихилияучися мы до рады товариской и до суду нашего приналежныхъ особъ, винайшлисмо декретъ зъ роздѣлу чотирнадцатого, артикулу сегого, где обширнѣй опѣваетъ о важности лица, за що злодѣя маемъ карати горломъ; тутъ же стосуючися ведде права майдебурского въ порядку написаномъ обширнѣй о карности злочинцовъ, части четвертой, на листѣ сто двадцят девятомъ: по квестии злодей маеть быти обвѣшонъ.

Квестия. А кгда выданъ былъ на квестию Хвеско Буряченко, прибышъ, за першимъ потягненемъ, за вторымъ и за третемъ и за приложениемъ распаленого желѣза, волавъ: моя то злость, розбивалемъ людей и комори кралисмо зъ товариствомъ нашимъ; Юско Хведченко вожовавъ насъ и тие речи въ домъ свой ношовавъ и ховавъ въ лѣсѣ, въ пасицѣ своей.

Тожъ и Василь Скучко розбойникъ волавъ: розбивалисмо людей рознихъ и комори дралисмо; слово въ слово и Петро Опошлянский волавъ, явний злий свой поступокъ визнавалъ. А по квестии велѣлисмо тим розбойникомъ каждому по одной рѣцѣ и по нозѣ втяти, так ижбы тая злость не множила.

Квестия. А кгда южъ виданъ былъ Хвеско въ руки мистру, за першимъ, за вторымъ и за третимъ потягненемъ, волавъ все едно: Юсипъ Хведченко Хведорковский, едно онъ зъ нами розумѣвалъ крадучи, розбиваючи и тую добычу отъ насъ беручи, ховалъ въ лѣсѣ, въ пасѣцѣ тещиной. Знову пытанный былъ той же зрайца—еслибы вѣдала теща Хведченкова, albo шурина его Харко, тое первѣй волавъ, якобы родичѣ его вѣдали, а теща и шурина его Харко жаднихъ складокъ зъ нами не мѣли, кромъ зятя ихъ, той еденъ зъ нами краль, а тещи и шурина его

не хотимъ дармо каляти, бо они добре люде, а зять ихъ Юско злѣдѣй и едно зъ нами розумѣвъ.

Григоръ Демченъко добровольно мовить: Омелянъ, дядко мой, о злости моей не вѣдавъ и грошей я ему не дававъ десяти копѣ, наветъ и одного осмака не далъ; и дармо на него сказалисмо были безчестие.

Петро Голиченъко, прибышъ, добровольно визнаеть: Леско Матяшенко не мѣлъ жадного порозумѣня зъ нами; онъ есть зацний чоловѣкъ, томъ на него дармо наволѣкъ безчестие, а теперь того не знаю, бо въ насъ и ничего не было. За першимъ, за вторимъ и за третимъ потягнемъ и сродзе розпаленного желѣза волавъ. Петро прибышъ: Леско Матяшенко зацний чоловѣкъ, нѣ о чомъ онъ зломъ дѣле не знаетъ; такожь и Дмитро Козубенко зацний чоловѣкъ, нѣтъ въ чомъ зломъ дѣлѣ напсомъ не вѣдаетъ; дармосмо на него безчестие наволокли были, а онъ того нѣчого напшого дѣла не вѣдаетъ.

Петро прибышъ Голиченко и Карпъ Недорослый, прибышъ, волали на Левкового зятя: козаки отгромили въ него ношу, зъ жупаном, зъ поясомъ верблучимъ и чоботы сафяновіе, а о иншихъ мы рупскахъ не вѣдаемъ. А Хвеско Дубиненко, прибышъ, который зъ насѣки Левковой вѣтъ, той во всемъ добре знаетъ; южь на той свѣтъ идемо, самую правду вамъ повѣдаемъ. Ведле того добровольного признатя тихъ неробочихъ прибышовъ, той своеволи прибыскои не допускаючи ширитися, винайшлисмо декретъ зъ порядку справъ майдебурскихъ, части четвертой, на листу сто двадцять девятомъ, ку концови: «злѣдѣй по квестии маеть быти обвѣшонъ». Той же карности и сие реченние зрайци подтеглими zostали. Справу сию в книги мѣские Полтавские (казалисмо) вписати, що и ест вписано року и дня вишъположеного. (Т. ж., л. 70).

г) Справа Василя Кибаленка, пойманого на вшетеченствѣ съ Педорою Пилипихою удовою, жителей Иванчинскихъ, — записана въ книги наши мѣские Полтавские, такъ ся маеть.

Року Божого тысяча шестесть девяностъ четвертого, мѣсяца мая двадцет второго дня. Предъ насъ Микиту Михайленка, атамана городского Полтавского, Якима Карповича войта, Грицка Шубенка, бурмистра, и при многихъ значныхъ обшихъ персонахъ, припроважена зъ Иванчинецъ Педора Пилипиха, пойманая на вшетеченствѣ зъ Василем Кибаленкомъ, на которыхъ справу свѣдѣтельства таковыя суть выведены:

Юркова Коломийченкова повѣсть: Панове, Алексѣй Руденко, атаманъ Иванчинский, взявши вѣдомость отъ многихъ людей тамошнихъ о Педорѣ Пилиписѣ, же зъ Василем Кибаленкомъ вшетечне живетъ отъ многихъ часовъ, пришедши до господи моей сказалъ мнѣ и Уласенкови Федору: пойдѣте а поймайте Пилипиху, або вѣмъ теперь, якъ люде повѣдають,

певне застанете на такъ скверномъ вшетеченствѣ обоихъ. Где пошедши смеркомъ, зъ третимъ асаулцемъ, до господи еи, а вчувиши, же такъ есть, ижъ обое въ коморѣ найдутся, Педора засъ и собѣ въ комори будучи, насъ почувши, стала ганити, повѣдаючи: або я яка нещота, же до дому моего ходите, мене перестерѣгати; въ чомъ мы звонтпивши перве, а потомъ вѣдаючи, ижъ и онъ Васил Кибаленко есть зъ нею въ коморѣ, а не опускаючи тоѣ справи, хотѣли сокѣроу двери коморние выстановляти, а же она, Пилипиха, видячи свою бѣду, стала насъ просити, жебы дверей не псовали, и сказала, абы взяли въ хатѣ за мисникомъ отъ млина ключъ и отомкнули (бо замкнено ихъ было знадвора); а такъ мы взявши тотъ ключъ и отомкнувши, зимали и полы обоимъ врѣзали; которыхъ поли теперъ и предъ милостями вашими показуемъ. Тие засъ вшетечники и грошей намъ дали полчварта золотого, безъ шостака, абовѣмъ онихъ приобецалисмо были пустити. А такъ взявши отъ нихъ нагороду, привели заразъ до сѣлского ратушу. Поти моей повѣсти. Страсти Христовы на крестѣ видячи, абы и души своей не образити, правду вамъ подъ сумленемъ повѣдаю, же тое такъ было, а не иначе. Туюжъ сентенцію, албо рачей доводъ, другой свѣдокъ Педоръ Уласенко и Сахно асаулецъ, котриѣ тихъ вшетечниковъ зимали, и поединцемъ на шкрутинѣй, то есть для вивѣдованя предъ судъ били ставлены, слово въ слово подъ сумленемъ тежъ повѣдали. Прето мы, урядъ, подаючи тую справу самого добродѣя нашего его милости пана полковника увазе, велѣлисмо записати. Що есть и записано.

Року вишеположеного, мая 23 дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого Полтавского, предъ насъ урядъ помененный Полтавский, для dokonчєня справы постановленние вшетечники, Василь Кибаленко зъ Педороу Пилипихоу удовою, жители Иванчинские, на вшетеченствѣ зимание и питаны, для чого бы такъ на пана Бога и на карность посполитую не уважаючи, допустилися злого порубетва? Аже оная Пилипиха сказала: а щожъ, панове, грѣхъ мя споткавъ, хотѣламъ оного Василя за мужа поняти и для того ему припустилася на грѣхъ, зъ которимъ шекгулнемъ тиждень жила; волно вамъ, панове, проступилисмо Богу и карности годнисмо. Теды судъ нинѣшний на таковыхъ вшетечниковъ ясие маючи доводи, до чого ся и самы оние признали, запобегаючи симъ декретомъ, абы впредъ таковые неповстягненниѣ были отъ злого повстягнення, и до спросностей злихъ не удавались, велѣтъ онихъ значною публѣкою, то есть столповимъ обоихъ вязенемъ скарати. И при заплаченю вины належитой панской и врядовой сию справу до книгъ записавши, скончити року и дня звишферованного. (Т. ж., л. 169).

д) Справа ганебная Данилова, Клѣтного зятя, о пополненіи зъ Параскою Жадановною, невѣсткою его, нимже самимъ Даниломъ содомекого грѣха и о прижитіи промежъ собою плоду и о страчене одного ими жъ, якая такъ ся в собѣ маеть.

Року 1699, февраля 17 дня. Предъ насъ Івана Насвѣта, наказного полковника Полтавского, Стефана Фирѣнки, атамана городового, при битности Якова Ивановича, войта, Алексѣя Матвѣевича, бурмистра и при многихъ значныхъ общихъ персонахъ, присланние зъ суду духовного от его мл. отца Луки Семеновича, протопопи Полтавскаго, Данило Клѣтненко, который чужоложне мешкаючи зъ Параскою Жадановною удовицею, невѣсткою своею, якую держалъ пасербъ его въ малженствѣ, плоду набувши згубили и сами на себе тотъ ганебный учинокъ визнали: грихъ нас, мовить, панове споткаль, бо еще отъ свят прошлихъ воскресенскихъ знесиися я зъ Параскою, невѣсткою моею, мешкалисмо по смерти жони моей въ едномъ дому и грѣхъ полнячи, прижилисмо дитя, дѣвчину, и на морозѣ держачи оную, зморозили и въ хижѣ у землю закопали, уходячи публѣки свѣтовой и карности; любожъ я еѣ Параску одъ того и одводилемъ, леч не моглемъ еѣ в томъ погамовати, бо она мнѣ сказала: волимо вже за грѣхъ терпѣти у Бога кари, нежли встидъ межи людьми мѣти; и такъ по ей волѣ и я далшъ и болшъ одъ той згуби не отводилемъ, але и самъ на тоє радиль.

Судъ познавши такой ганебный учинокъ Даниловый и Парацинъ, же предкомъ Господа Бога на себе прогнѣвали, за такую спросность, ижъ въ сродствѣ будучи, допустилися такого грѣха, а що горшая, поневажъ еще и плодъ набувши, оный згубили, вглянувъ въ право посполитое въ Статутъ князства Литовского опиваное, въ роздѣлѣ одинацятomъ, артикулъ шестдесятий, о караніи такихъ невѣстъ збитечныхъ, которые би дѣти свои, албо кого иного згубили, где такъ стоить: уставуемъ, ижъ кдѣбы которая белая голова не живучи въ стане малженскомъ, але вшпетечнеся и нерядне справуючи, и такъ плоду набывши, а потомъ для встиду албо боязни каранія, тотъ плодъ сама, албо черезъ кого иного, стратила и о смерть приправовала, а на такомъ учинку била бы сама, албо тотъ хто онее справовати то будетъ, поймана, албо бы то якимъ слушнымъ певнимъ значнымъ и явнымъ доводомъ переведено было, таковие, яко тотъ хто ся то чинити, а плодъ такой губити подвезалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами мають горломъ каранія быти. Тому жъ декретови тие двое збитечники и явно грѣшники Данило и Параска, невѣстка его, zostали подлежащими, которые подълугъ права, за свою такую ганебную вину zostали стяти.

Справу сию скончивши, до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ записати (казалисмо), що есть и записано року, месеця и дня звишписанного. (Т. ж., л. 202 об.).

е) Справа о убийство Гапки шинкарки, лезной, Тимкомъ гап-
старомъ Полтавскимъ, якая такъ ся маєть въ себе.

Року Божого тысячного сѣмьсотного, месеца мая девятого дня. Предъ
урядомъ нашимъ полковимъ Полтавскимъ, Иваномъ Насвѣтомъ, наказ-
нимъ полковникомъ, Петромъ Буцкимъ, судиею полковимъ, Стефаномъ
Фѣрѣнкою, атаманомъ городовимъ, Якимомъ Карпенкомъ, войтомъ, и Але-
ксѣемъ Матвѣенкомъ, бурмистромъ, зиманий на мужобойствѣ убийца Тимко
гаптаръ Полтавскій и приведенный на мѣстце судовое до ратуша, которого
пытано причины о убийство Гапки шинкарки у Пречисткомъ дворѣ бу-
дучое, що Тимко тую причину сказалъ: я, мовить, панове, въ томъ дворѣ
пивъ, а она Гапка, безъ даня причины, мене по щокахъ ударила, чого
я, пнянимъ будучи, нестерпѣвши вдарилемъ ей тилко всего два рази, ко-
торая павши на землю заразы и духа пострадала. Судь прето еще на
достовѣрнѣйшій доводъ той справи, велѣвъ зискати Ганну Иваниху ста-
рую, которая такъ сказала: пришовши я зъ мѣста до тои жъ господы,
въ дворѣ братерский, не застала въ хатѣ нѣкого, толко самую Гапку; а
же поставцѣ на столу стоять порожние и столъ политый, спыталася:
чи то въ тебе, Гапко, напиту немаєшь? Позбѣрала зъ стола поставцѣ и
тое ей сказавши, пошла зъ хати въ другую, и обачила, же горшки въ
печѣ зъ стравою поворочано, а пошовши знову въ хату переднюю, нарѣ-
кала на Гапку за тое, же шкода есть, страву поворочано; а глянувши
на комънать дверѣ и взявши зъ вокна железное перехриста, хотѣламъ
понести его у комнату, ажъ двери комнатные мотузкомъ завязаны; кото-
рии я отчинивши увойшла въ комнату и застала его, Тимка, зъ черни-
цею нѣякоюсь зъ Будиского монатира, а вернувшись зъ комнаты, ска-
зала: Гапко, чого онъ, Тимко, туда увойшелъ? а Гапка отказала—не знаю
для чого, и коли невидѣласмо. И почала его, Тимка, зъ комнаты гонити.
Сама тежъ напередъ вибѣгши, защепнула двери защѣпкою, а Тимко
почалъ дверми трусити и велить отщепнути; она жъ скоро отщепнула
дверѣ, а Тимко вибѣгши почалъ ей Гапку бити, виговорючи: сякая та-
кая нецноты, чому ты на мене наволѣкаєшь безчесте? И такъ тиранско
билъ, же ажъ заледво водою оную отлили. Она, Гапка, пришовши къ
собѣ, схопившись кинулася до Тимка, а Тимко знову ей затылъ два рази
которая впавши на землю вмерла, и такъ одъ Тимковыхъ рукъ небожка
свѣта пострадала. По словахъ Тимковыхъ и по свѣдѣтелству Иванихи-
номъ, велѣлъ судъ Тимка, нѣмъ будетъ небожка Гапка погребена, прико-
ваты при тѣлу небожки, и по погребѣ звичайный его Тимка розказалъ
до секвестру даты и справу конечную отложивши до указу пана звѣрх-
нѣйшого, записати указалъ въ Полтавѣ, року и дня звищферованого.

Року тогожъ, мая 16 дня. Ми, вишей помянутий особы маестрату
нашего мѣского Полтавского, отобравши отъ звѣрхнѣйшого пана нашего
властелина, от его милости пана полковника Полтавского, указъ цетоваты

тую справу о убиство Тимкомъ Гаптаромъ небожки Гапки, подлугъ належитого права; аже и акторская сторона жалосная, роженная сестра небощина домовлялася судового всказання, велѣтъ судъ его Тимка, яко на горячомъ учинку зиманого, мужоубойцу предъ собою поставити, не для виведеня инквѣзиции, лечъ для ферованя декрету и уконченя справи, а (.....) сей праву посполитому въ порядку правъ майдебурскихъ, на листѣ двѣстѣ двадцетъ первомъ, о розмантой смерты рознихъ злочинцовъ вираженому, ижъ таковой мужобойца маєтъ быти стять мечемъ, любожъ и Тимко Гаптаръ такому подлежащымъ годенъ былъ декрету, аже звѣрхности его милости пана полковника суду росказала дороваты его горломъ за усиловнымъ кривавослезнымъ матки его Тимковой и теңци оногожъ зъ жоною его прошеніемъ, а до того, ижъ онъ, Тимко, видячи такъ великое по Бозѣ его мылости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонымъ zostалъ, во вѣчние и неуставаючие роди, зъ жоною своею, поручилъ себе въ доживотноу дому его панскому службу. Толко наказалъ той же судъ подлугъ права въ Статутѣ князства Литовского въ роздѣлѣ дванадцетомъ, артыкулѣ шестомъ, абы онъ, Тимко, кривымъ небожчинымъ, за таковую ихъ кривую невѣсту, которая жила лезно, безъ мужа и не мѣла его, а щинкомъ бавилася, пятьдесятъ золотихъ заплатилъ поголовщины; и за отпаву погребу и за душу сорокоустъ поеднати духовныхъ старался. При заплаченю выни врядовое, справу сию скончивши въ книги наши мѣские Полтавские записать росказалисмо року мѣсяца и дня. (Т. ж., 226 об.).

Х. Рѣшеніе Полтавскаго полковаго суда по спору за захватъ земельного участка.

Року 1683, мѣсяца марта 14 дня. Предъ насъ Андрея Лучченка, обозного полку Полтавского, Тимоша Кгаевского, судѣ наказного, Стецька Петрашенка, атамана наказного, Максима Петровича, войта, Максима Павленка, бурмистра, и при многихъ зацнихъ персонахъ, ставши предъ насъ Яцко Локошчинъ зять скарги свои вкладаѣ на Ивана Красноперича, атамана городского: панове, не допускаетъ мене атаманъ къ моимъ добрамъ кгрунтовъ частки, що мѣю купленимъ способомъ въ Проня, мѣю заводцу и прошу въ томъ skutечной справедливости. Выслухавши мы скаргъ Яцковихъ, на тие скарги казалисмо атаманови отповѣдати. Ставши атаманъ такую отповѣдь далъ: варуй того Боже, я собѣ мѣю мои власние кгрунта веде Яцка, купление въ потомковъ небожчиковыхъ Снѣжковыхъ, якъ есть и въ книгахъ мѣскихъ Полтавскихъ записано, а мой кгрунтъ есть въ собѣ общиркованъ, а въ чужие кгрунта трудно мнѣ втручатися, мѣю жъ заводцу своего и людей стариннихъ, которые добре свѣдомы тыхъ

нашихъ кгрунтовъ, которіе мѣю купленнымъ способомъ отъ полтредцать лѣтъ. Где стоячи Яцко Локошчинъ зять и Иванъ Красноперичъ и Пронь, заводца Яцковъ, мовыль: вправдѣ, панове, продадемъ я Яцкови мой кгрунтъ власній и завуюъ ехмо що онъ Яцко и загородилъ, а чужого лѣса я ему не продавалъ и о концяхъ, теперешного року положенихъ Яцкомъ, добре вѣдаю такимъ способомъ—дрова ехмо въ лѣсѣ бралъ зъ Василемъ Татарчичомъ и зъ Зайкою, а прихавши Яцко къ намъ, мовивъ: отъ я отъ старшихъ прихавъ и страхалъ мене: иди и заводи мене за кгрунтъ далѣй, я тежъ бѣдний вѣлемъ его вправдѣ не по своей волѣ, а онъ Яцко куди хотѣлъ клалъ концѣ, а въ остатку суть же старожитніе люде, которое добре свѣдомы тыхъ нашихъ кгрунтовъ. Тудежъ здавалися такъ Иванъ Красноперичъ, яко тежъ Яцко зять Локошчинъ и Пронь на Грицка Сѣдачка, старинного, казака,—панове, нехъ такъ будетъ, якъ той зацній челоувѣкъ вкажетъ. На жадане обоихъ сторонѣ, высилаемъ зъ уряду нашего товариство Ничипора Жорновенка и при немъ Антона, абы слупше выпитали Сѣдачка, якъ свѣдомого тыхъ кгрунтовъ здавна. На питане висланныхъ нашихъ Гриць Сѣдачокъ, подъ боязню божею, сказавъ: чогомъ добре свѣдомъ и вамъ по святой правдѣ повѣмъ: погрѣбъ тенъ, который подъ сѣчу Яцковою на семъ боку огорожи Яцковой, то предъ тимъ былъ небожчиковъ Снѣжковъ, въ которомъ я и отъ татаръ крилемся, якъ татаре подбѣгали подъ Полтаву, за панетва, за пана Соколского; ащо Яцко огородилъ, нехъ бы тимъ и пожитковалъ, бо теперь, сего року, свѣжо на чужихъ кгрунтехъ Яцко концѣ положилъ, а предъ тимъ я о Проню и о Яцку и не чувавъ, а Снѣжко небожчикъ, старинный житель Полтавскій, мѣлъ свои здавна занятіе кгрунта не пенніе, которіе теперь продани Иванови Красноперичу не пенно. Ащо теперь Яцко ново положилъ концѣ, то правѣ не слупше, бо онъ тую сѣчу купилъ у Проня болшей десяти лѣтъ. Выслухавши мы повѣсти висланныхъ нашихъ а прихилиючися до ради товариской и до суду нашего приналежнихъ особъ, поневажъ Яцко важился кгрунта чужіе подъ себе подгортати, яко то явная признака погребъ Снѣжковский и загороди, и кгвалтовне на чужихъ кгрунтехъ десять кощовъ по рубежу положить, а за рубежами два концѣ положилъ, а на одномъ дубку свѣжо зарубавъ, заруки три копы грошей приказуемъ декретомъ нашимъ ведле права посполитого, зъ роздѣлу девятого, артикулу осмогонадцать, въ Статутѣ Литовскомъ, обшириѣ выражено—кто бы кому границу между зопсоваль, мѣеть Яцко того кгрунту Красноперичови уступити, концѣ роскопати, пѣвошо обернувши и уквивжоной сторонѣ Красноперичу слупше во всемъ нагородити правные выклады, отъ мала и до велика, на чомъ бы Красноперичъ шкодовалъ, где бы тежъ еще Яцко важился въ чужій кгрунтъ вступати албо тежъ Красноперичъ въ Яцковъ, таковая сторона повинна будетъ вини пану полковникови Полтавскому платити таларовъ двадцать, а на врьдъ мѣскій Полтавскій таларовъ десять. Справу сию

врядовне велѣлимо и въ далншій часъ, вписати, що и есть вписано року и дня вышъположеного. Дѣялося въ Полтавскомъ ратушу. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полков. суда, л. 102).

ХІ. Рѣшеніе гетмана Мазепы по спору Григорія Герцика съ сыновьями Полтавскаго полковника Леонтія Черняка, за водяныя мельницы на р. Ворсклѣ.

Року божого 1700, мѣсяца іюлю 18 дня. По указу висоцеговѣдомому ясновелможному его мѣл. пана пана Іоана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкого. Передо мною Василиемъ Велецкимъ, судиею полку Гадыцкого, и при мнѣ будущихъ особъ: пана Ивана Насвѣта, значного войскового товарища, пана Андрея Нащинского, пана Адама Ненаденка, сотниковъ Полтавскихъ, пана Гаврила Рудяшки, хоружого полкового, и при многихъ зацнихъ особахъ.

Взглядомъ правного заводу пана Григорія Павловича зъ п. п. Савою, Филипомъ и Алексѣемъ Черняченками, точающегося о старую греблю въ селѣ Стасовцяхъ, маестности егожъ пана Григоріевой, на рецѣ Ворсклѣ будущую, также и о сагу, на якой, яко бы панъ Чернякъ старій безправне и неналежне построилъ ку пожитковъ своему, а ку шкодѣ старимъ млинамъ, чотирѣ колѣ млива, билъ розискъ. Поводовая сторона панъ Григорій Павловичъ при своей скарзе оповѣдалъ тое: Иванъ (правѣ) Петрашенко и Нечиноръ Крилувченко, козаки Стасовские, повѣдали мнѣ, же маючи въ себе по одному колу млива, на греблѣ нашой теперешной Стасовской, не могли онихъ удержати въ своей области, же панъ Чернякъ зъ заслугъ своихъ, за бувшаго небощика гетмана, принявши власть енералного асаулетва, а по асаулетвѣ вступивши на урядъ полковництва Полтавского, вомѣнилъ тихъ преречонихъ козаковъ (и мелниковъ) за людей посполитихъ, а выправивши собѣ у бувшого небощика гетмана унѣверсалъ на заживане зъ ихъ млиновъ части войсковыхъ приходовъ, бѣралъ зъ ихъ двѣ части, а третью имъ козакамъ оставлялъ. Кивачиха, тежъ и Демончиха, по значнихъ и въ войску заслужонихъ мужахъ своихъ будучи задовѣлими, а на той же греблѣ мѣючи въ себе по одному колу млива, еще за бувшого небощика гетмана и за нынѣшнего щасливого его рейментарской велможности владѣнія, упросили собѣ поважние унѣвирсали на заживане зъ тихъ своихъ каменей войсковое части; еднакъ и мененние вдови не могли того совершенно зъ млиновъ своихъ звиклого приходу заживати, бо панъ Чернякъ и мимо унѣверсали рейментарские бѣравъ собѣ зъ ихъ каменей также, якъ и зъ посполитихъ, по двѣ части приходу, а имъ бѣднимъ кидаль по третей часты. Прето всѣ оние вишеписаніе мелники далѣй такой своей значной кривди отъ

пана Черняка дѣючойся не терпачи и противъ его, яко во всемъ можлиого и во власти крѣпкого, не могучи постояти, тии свои всѣ кола пану родичовѣ моему еще за полковництва его безъ жадного примѣсу попродали и записали.

Повторе онъ же панъ Григорій предложилъ и тое, же панъ Чернякъ собѣ отъ мелниковъ другихъ на тамошней же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ чотири колѣ млива куплю набувши, а иныхъ мелниковъ бынамнѣй не дбаючи и ихъ недокладаючи, зъ другого берега той греблѣ на прорвѣ еще чотири колѣ построилъ и пожитковалъ, а теперъ коли справа мною есть зачата, иже висланный для розиску по указу рейментарскомъ есть назначенъ, теды п. п. Черняки молодии клѣтку одну о двохъ колахъ (дѣтєся тому неделѣ зо двѣ) забрали вимѣраючи, ижъ будто зъ нихъ пожитку нѣкогда не мѣвали, одъ которыхъ старой греблѣ значная и великая перешкода чинилася и теперъ чинится.

Потрете говоривъ панъ Григорій тое, ижъ панъ Чернякъ старий не вѣдати, якимъ правомъ сагу (на которой Миронъ былъ за позволенемъ мелницкимъ построилъ для втекухой воды весняной ступки) набувши, третие чотири колѣ млива на той сазѣ збудовалъ безправне. При такомъ своемъ панъ Григорій предложеню презентовать намъ и свои купчие записи, данние пану родичовѣ его отъ Ивана Петрашенка и Ничипора Кридувченка, на двѣ колѣ, отъ Кивачихи тежъ и Демотчихи вдовѣ, тежъ на двѣ колѣ, зъ таковымъ докладомъ писаніе—моглибысмы тихъ своихъ колѣ млива не продавати, при старости нашей вдовинной, еднакъ мусѣлисмо учинить поневоле для того, же отъ млыновъ новыхъ пана Черниковыхъ, на сазѣ построенныхъ, дѣтєся нашимъ млынамъ великая кривда и безправе, для якого нашего безправя отъ пана Черняка намъ дѣючагося, позволяемъ его мыл. пану полковниковѣ правне доходити. Отводная сторона п. п. Черняки, на попарте своей справы, показували продкомъ купчие свои записи на чотирѣ колѣ на той же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ, где и панъ Павелъ Семеновичъ чотири колѣ куплю набувъ; первый отъ Михайла Манойленка, другой отъ Марка Федоренка, третій отъ Хвеска Юрченка, а четвертій отъ Тимоша и Лукяна Хвесенковъ имѣ дание, зъ таковымъ вѣговоромъ: панъ родичъ правѣ нашъ зъ премногое милости монаршое и изъ ласки рейментарское уживалъ части войсковыхъ приходовъ якъ зъ власныхъ своихъ, куплю набутихъ, чотирохъ колѣ, такъ и изъ тихъ чотирохъ же, якие панъ Павелъ Семеновичъ покупилъ, отбираючи у мелниковъ належитие розмѣри ажъ до того времени, поколь въ куплю пану Павлу досталися, еднакъ не двѣ части, якъ панъ Григорій повѣдаеть, собѣ братъ, а мелникамъ будто третюю оставлять, але во всѣхъ бралисмо по половинѣ, а не иначе. А щоя до тихъ чотирохъ колѣ на прорвѣ построенныхъ, тое учинити смѣлъ пакъ родичъ нашъ за позволенемъ всѣхъ мелниковъ, а не безправне. Да оны жъ п. п. Черняки покладали свои купчие записи и на

сагу Мироновскую, где ступки бывали; первый записъ отъ Миронихи, на дароване саги родичовъ ихъ зъ ступками о одномъ ставидлу даный; другой, отъ Яцка мѣрочника, продажею полененный ему жъ пану Черняковъ зъ другимъ ставиломъ; на третее засъ и на четвертее ставидла, не маючи купчого запису, меновали заводцу своего Михайла, бувшого полкового асаула дочку, а пасербицу Штепурину, на селѣ Камяницѣ въ области его жъ пана Черняковой мешкающую, и ставили оную на доводъ. Ставишы теды она Михайловна, зъ мужомъ своимъ Иваномъ, сказала подъ сумленемъ: по смерти, мовить, отца моего небожика Михайла, який бивалъ асауломъ полковимъ Полтавскимъ, Степанъ Штепура, второй мужъ матки моей, а мой отчимъ, продалъ свою половину того ставила Яцковъ, мѣрочниковъ Миронихиному, прозиваемому Скрипниковъ, а полставидла осталося при Миронисѣ. Пану Черняковъ тежъ мы нѣчого не продавали, бо тилко тамъ всего было едно ставилце на ступки. А за чимъ оно позволенемъ и на якую вгуду построено, того ми не вѣдаемъ, босямо тихъ часовъ еще не мѣли совершенного взросту. Чого п. п. Черняки, ижъ не довели правдою, тутъ значне обявилося.

По вуслуханю теды споровъ отъ сторонъ акторское и отводное и по вычитаню ихъ всѣхъ правныхъ записовъ, велѣлимо стариннимъ и вѣры годнымъ людямъ, якъ Стасовскимъ, такъ и Гавронскимъ, нарочно на тое зискованымъ, станути и въ нынѣшней контроверсеи по самой истиннѣ свѣдѣтельствovati. Зъ которыхъ напродъ, будучи обовязалии сумленемъ и напмнений страхомъ Божиимъ, Корнѣй Голубъ, въ лѣтехъ южъ подейшлый, учтивый и вѣры годный человекъ, козакъ и житель села Гавронецъ, маестности пана Черняковой, такъ свѣдѣтельствоваль: памятаю тое (мовить) добре, ижъ еще за небожика Пушкаря, бувшого подковника Полтавского, были при немъ Михайло да Миронъ асаулами полковими, которѣи мѣли въ себе по одному камению млива на греблѣ Стасовской; а видячи мѣстце приличное на сазѣ, отъ греблѣ оподаль будучое, просили, мелниковъ Юрка и Яска, жебы имъ на той сазѣ для втекухой воды весняной ступки построити позволили, котормъ мелники любо и позволили, еднакъ твердили тое шилно, жебы старому млыву, якая зъ того не учинилася перешкода. И когда старая гребля зо всѣми сагами, по обикновению давнему, будется гатити, то повинна и тая сага, на которой ступки построятся, гачена быти; въ томъ Мирунъ и Михайло, асаули полковни, упевняючи мелниковъ подъ присягою, говорили, же жадная и найменшая въ томъ старимъ млинамъ кривда не окажется. И такъ оны построивши ступки, якъ много ихъ держали, такъ по весняной водѣ кожного лѣта при гаченю греблѣ и тая сага гачена бывала. По смерти засъ Мироновой и Михайловой, жона Михайлова, будучи за другимъ мужемъ Штепурою, продала свою часть оной заставки ступной Яцковъ мѣрошниковъ; Миронова засъ жона, держачи зъ онымъ Яцкомъ тие ступки, а мѣстнемъ тимъ не користуючи, знесли внизъ по той же сазѣ отъ пер-

вого мѣстца оные ступки на добріе нивные гони, albo и болше, лечь также для втекучей воды, а не для удѣльной имъ на тое коло, поневажъ и тихъ временъ оная сага подъ часъ гачена греблѣ бывала завше гачена. Где rozdѣлиши тое ступное коло на двое, построилъ собѣ Яцко мѣрочникъ камень, а Мирониха держала ступки; еднакъ не могучи оныхъ спорядити совершенно, яко овдовѣлая, даровала ихъ Савѣ Черняченковѣ, выдавши за него свою сестричнюю. Потомъ тежъ панъ Леонтий Чернякъ купилъ и оное другое коло въ Яцка мѣрочника, и такъ, мѣючи южъ тии двѣ колѣ преречонии (а для втекучей воды постановление) въ своей области, поставилъ и еще къ тому два камень; а будучи можнимъ паномъ, не допустилъ вже далѣй оной саги гатити попрежнему, о чомъ любо мелники до бувшихъ п. п. полковниковъ зъ жалобою и удавалися, еднакъ противъ можлиого пана нѣчого не вскурали, и еще зъ нимъ пеняючись, яко люде убогие, иншимъ людемъ завиноватилися, для чого мусли ему жъ пану Черняковѣ свои кола попродавши, долги виплачувати. Сии зась чотири колѣ на сей же греблѣ старинной, если за позволенемъ мелницкимъ онъ панъ Чернякъ вновъ построилъ albo нѣтъ, того я не вѣдаю; тылко тое добре знаю, же съ початку, отъ часовъ давнихъ, завше бывало тутъ на греблѣ колъ осмъ, а теперъ стало дванадцеть, а на сазѣ чотири, которихъ всѣхъ шестнадцеть считается.

Тутъ же станувши два свѣдки Семень да Григоръ Потопенки, рожоное братя, козаки и жители Стасовские, въ лѣтехъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣліе люде, учтивие и вѣри годные, того сумленемъ обовязани, говорили: еще (правѣ) подъ часъ Кумейщины, будучисмо лѣтъ недозрослихъ, зъ отцемъ нашимъ, зайшлисмо до села Стасовець и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куренювъ большъ нѣкого не было, и отъ того времени, рокъ по року, стало людей прибувати: а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млыновъ не бувало. Подъ часъ тежъ Берестецкого роstrуху, въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, где теперъ гребля найдуется, Потимъ пришовши два мелники, Остапъ да Юрко, у Пущкара, бувшого полковника Полтавского, просили такого позволения, жебы имъ волно было греблю заняти и млыни построи, ще и одержали тылко зъ такимъ приговоромъ, жебы Стасовчане да Гаврончане своими двома селами оную греблю, если змогутъ, гатили, иншихъ на тое сѣмъ не притягаючи. Итакъ одъ того часу, когда занялася гребля, оные мелники построиши осмъ колъ, заживали ихъ спокойне, не знаючи ни одъ кого жадное перешкоди; и любо тие жъ мелники асауламъ полковимъ двомъ Михайлу да Мирону ступки на втекучей водѣ поставити позволили, еднакъ одъ того млынамъ не дѣялася жадная перешкода, бо влѣтку завше вышше тихъ ступокъ оная сага бывала гачена и воды на тие ступки жадною мѣрою не пускано, кромѣ весняной и осѣнной воды. А кды тии помененнии ступки Миронихою и Яцкомъ мѣрочникомъ внызъ знесены и пану Черняковѣ въ область досталися, тогды болшъ панъ Чернякъ

оной саги не допустилъ гатити, кдыжъ, къ тимъ давнимъ двома заставкамъ, еще вновь двѣ колѣ на той же сазѣ построилъ. При такой трохѣ свѣдковъ сознано, были и иншие годние люди по единому, подлугъ правного поступку, слуханы, именно: Мартинъ Демченко и Семень Шкребець, козаки и жители Стасовскіе, зъ Кгавронецъ тежъ, маестности пана Черняковой, также учтивіе и вѣри годніе козаки и жители тамошніе: Климъ, Лисенковъ зять, атаманъ Кгавронскій, Павло Москаленко и иніе въ лѣтехъ южъ подейшіе, котріе также единъ по другому объясняючи, свѣдѣтельство отъ слова до слова зъ первыми свѣдками согласовалися.

Тутъ же еще на доводъ рѣчи велѣлисмо бувшимъ мелникамъ, въ которыхъ панъ Павелъ Семеновичъ и онъ, панъ Леонтій Чернякъ, кола поскуповували, станути, питаючи ихъ, если за ихъ вѣдомомъ и позволенемъ панъ Чернякъ, яко тие вновь двѣ колѣ на сазѣ, такъ и сии чотири колѣ новіе жъ на Вореклѣ построилъ, дармо безъ жадной куплѣ. Теды оніе сказали, подъ сумленемъ, ижъ не тилко пану Черняку тихъ чотирохъ колѣ строити не позволяли, але и боронилисмо, тилко жъ що не наша ровня, не моглисмо зъ нимъ нѣчого вскурати.—А до того Марко Демченко, козакъ и житель Стасовскій, одозвавшися говоривъ тое: мѣючи (мовить) и я камень млива на сей же Стасовскій греблѣ еще за бувшого небощика гетмана, когда былъ панъ Чернякъ енералнимъ асауломъ, терпѣлемъ великіе отъ его кривди въ неслухномъ браню розмѣру, бо онъ двѣ части себѣ беручи, мнѣ третью тилко оставлялъ, за що кды ему говорились, жебы не ровнялъ мене зъ мужиками и не чинилъ мнѣ утиску, а къ тому сталемъ былъ при упорѣ зъ мелниками двома Хвесками, шуриками своими, жебы онъ, панъ Чернякъ, попрежнему сагъ гатити не зборонявъ, теды онъ за тое мене немилостиво киями такъ билъ, же после того бою толко що живъ осталемся, о чомъ заносилемъ жалобу мою до бувшого небощика гетмана, по которой жалобѣ выданъ былъ отъ звѣрхности гетманской таковый указъ, жебы онъ панъ Чернякъ звичайнимъ способомъ въ насъ приходъ свой бралъ, що о размѣру любо досить и сталося, еднакъ сагъ гатити онъ, панъ Чернякъ, крѣпко возбранивъ и не допустивъ. Повторе, на тотъ же заводъ, по жалобѣ нашої зсиланъ былъ небощикъ Павелъ Животовскій судия енералний, у Полтаву и тутъ въ Стасовцѣ, который уваживши неслухность Чернякову, приказалъ, абы тая сага была попрежнему гачена, а за виступокъ свой, же не допускалъ гатити, каранъ былъ онъ, панъ Чернякъ, арматнимъ седѣнемъ и правніе виклады мусѣлъ намъ ворочати, нащо и декретъ одъ того жъ небощика судии былисмо одержали, лечъ и потомъ онъ, панъ Чернякъ, яко панъ можний, тому декретовѣ чинити не схотѣлъ досить и саги оной попрежнему не допустилъ гатити. Що мы видячи, ижъ не наша ровня и правоватися о томъ намъ, людемъ убогимъ, зъ нимъ трудно, а вода вся зъ Ворекла въ тую сагу потягнулася, же въ сихъ старыхъ млынахъ пожитку барзо учинилося щупло, мусѣлисмо едни ему пану Черняковѣ, а другіе

пану Павлу Семеновичу свои млыны попродади, а за спроданемъ млыновъ, гдесъ и декретъ оный затратился.

По всѣхъ тыхъ вышеописанныхъ свѣдѣлствѣхъ людскихъ, хотячи мы и сами, тотъ розискъ чинячие, досконалъ всей шкоды старыхъ млыновъ дознатися, взявши зъ собою чотирохъ челоуѣковъ мелниковъ, добре на водномъ строению знающихъ, именно Кондрата, мелника Гадацкого, Корнѣя Сягайла и Кирика Трояненка, мелниковъ Брусѣевскихъ, Петровского зась мелника Михайла Какадѣя и килкохъ мѣрочниковъ, ездилесмо чолнами вверхъ той саги, одколь она зъ Ворекла выпадаеть, также и до того мѣстца, где оние давние ступки были построены и до млыновъ пана Черняковыхъ, ныже на той же сазѣ обрѣтающихся, где яко мы сами видѣли и зрозумѣвали такъ далеко барзѣй мелники досконале и совершенно опознали, же давнимъ млинамъ, на Вореклѣ найдуючимся, одъ тихъ новыхъ на сазѣ будущихъ великая кривда и перешкода дѣеться, албовѣмъ и еще иншихъ килка сагъ меншихъ зъ Ворекла вуйшлихъ зъ тою болшою сагою злучившихъ, великую водную учинили потугу, тягнучи на тие чотирѣ колѣ на сазѣ построение и запевна можетъ въ оныхъ сагахъ болшѣ нижли въ самой Вореклѣ воды найдоватися.

По всѣхъ тыхъ вышеописанихъ поступкахъ, одозвавшись панъ Иванъ Черняченко говоривъ тое: бодай (мовить) другому такъ сердце дупилося, якъ у родича нашего плечи дупилися тую сагу прочишующи и изъ ней колоде волочачи, хто на насъ теперъ невинне насѣдаеть.

Всѣ вышеписание рѣчи, якъ отправовалися и якое отъ кого признате чинилося, такъ есть и записано, подаючи високому рейментарскому розсудковъ и его мудрой панской увазѣ. Писанъ въ селѣ Стасовцахъ, року и дня вышенамененного. Василий Велецкий, судя полковый Гадацкий, рукою власною.

Въ той же справѣ и поважный рейментарский выданий унѣверсалъ на знесенѣ пречѣ новыхъ млыновъ тутъ же уписанъ, который такса въ собѣ маеть:

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Всей старшинѣ и чернѣ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского и кождому, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ: поневажъ зъ инквѣзиции паномъ Василиемъ Велецкимъ, судиею полку Гадацкого, п. п. Иваномъ Насвѣтомъ, товаришемъ войсковимъ, Андрѣемъ Нащинскимъ, Адамомъ Ненаденкомъ, сотникомъ Полтавскимъ (sic) и Гавриломъ Рудяшкою, хоружимъ полковимъ, Полтавскимъ же, чиненой, показалося тое, же панъ Леонтий Чернякъ отворилъ бытъ саги по томъ боцѣ Ворекла будучи, для построения себѣ на оныхъ млыновъ. Мы теды, якъ по тому слушномъ и достатечномъ узнаню и намъ донесеню, такъ и по особливой нашей ку пану Григорию Павловичу ласкавой прихилности, позволяемъ ему, пану Григорию, тии саги попржему такъ теперъ загатити, яко и впередъ,

укрѣпляти. А мають онии саги гатитися жителми селъ Стасовець Гавронецъ и Камянки, якии и передъ симъ гачовали. А тутъ же пишно приказуемъ, жебы млини, якие онъ же панъ Чернякъ на греблѣ Стасовской Ворскляной безъ жадного тамошнихъ мелниковъ позволенія, а особливѣ безъ нашего гетманского фундушу, построилъ, пречъ били знесеніи и щобъ непременно на той греблѣ, по давнему, осмъ каменей было, и не болішъ. Якому теда нашому приказаню, абы онъ, панъ Леонтий Чернякъ, безъ жадной отмови досить учинилъ, подѣ неотпустнимъ войсковимъ каранемъ, и повторе пишно симъ же нашимъ універсаломъ приказуемъ. Данъ въ Батуринѣ. Декаврія 8 року 1700. Звинъ менованный гетманъ рукою власною. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полк. суда, л. л. 298—304).

XII. Ресстръ кто именно въ какіе полки и повѣты опредѣлены отъ еіо с—ва графа ясновельможного высокоповелит. гетмана унѣверсалами въ земскіе чины, яко то подкоморіе, судъ, подсудки и писарь.
1764 г., 7 мая.

Полку Стародубовского. Въ повѣтъ Стародубовскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Михайло Ширай. Судею: бунчук. товар. Петръ Искрицкій. Подсудкомъ: судія полк. Стародубовскій Петръ Малѣшевскій. Писаремъ: Степанъ Чарнолузскій. Въ повѣтъ Погарскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Петръ Миклашевскій. Судею: бунчук. товар. Степанъ Лашкевичъ. Подсудкомъ: асаулъ полков. Стародуб. Павель Лобисевичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Иванъ Пѣсоцкій.

Полку Нѣжинского. Въ повѣтъ Нѣжинскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Жураковскій. Судею: сотникъ Дѣвицкій Лаврентій Селецкій. Подсудкомъ: сотникъ Занковскій Григорій Левицкій. Писаремъ: полковій Нѣжинскій первій канцеляристъ Яковъ Сѣякаревъ. Въ повѣтъ Батуринскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Долинскій. Судею: бунчук. товар. Иванъ Марковичъ. Подсудкомъ: войсков. товар. Петръ Забѣла. Писаремъ: полковій первій канцеляристъ Филипъ Щигловскій. Въ повѣтъ Глуховскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Василь Кочубей. Судею: бунчук. товар. Сергій Дергунъ. Подсудкомъ: сотникъ Воронѣжскій Андрей Холодовичъ. Писаремъ: войсковій канцеляристъ Никандръ Телесницкій.

Полку Прилуцкого. Въ повѣтъ Прилуцкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Марковичъ. Судею: асаулъ полков. Прилуцкій Яковъ Величко. Подсудкомъ: войсков. товар. Василь Огроновичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Семенъ Каневскій. Въ повѣтъ Иванецкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Горленко. Судею: сотникъ Иванецкій Федоръ Свѣрскій. Подсудкомъ: сотникъ Красноколядинскій Петро Максимовичъ. Писаремъ: войсков. канцел. Василь Магеровскій.

Полку Лубенского. *Въ повѣтъ Лубенскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Иванъ Александровичъ. Судею: бунчук. товар. Иванъ Кулябка. Подсудкомъ: асаулъ полков. Федоръ Максимовичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Федоръ Булюбашъ. *Въ повѣтъ Роменскій.* Подкоморимъ: обозній полков. Лубенскій Василь Кулябка. Судею: полков. вакансовій судя Афанасій Шкляревичъ. Подсудкомъ: хоружій полковій Лубенскій Стефанъ Лукьяновичъ. Писаремъ: войсков. товар. Григорій Косяровский.

Полку Киевского. *Въ повѣтъ Козелецкій.* Подкоморимъ: обозній полков. Киевскій Александеръ Солонина. Судею: асаулъ полков. Матвѣй Шумъ. Подсудкомъ: войсков. товар. Степанъ Пасенко. Писаремъ: войск. канцеляристъ Парфень Радченко. *Въ повѣтъ Остерскій.* Подкоморимъ: писаръ полков. Киевскій Андрей Миткевичъ. Судею: сотникъ Кобижскій Петръ Симоновскій. Подсудкомъ: войск. товар. Онуфрій Пригара. Писаремъ: войск. канцел. Михайло Луста.

Полку Переяславского. *Въ повѣтъ Переяславскій.* Подкоморимъ: обозній полков. Семень Безбородко. Судею: писаръ полков. Переяслав. Степанъ Карлицкій. Подсудкомъ: восков. товар. Дмитрій Лебедь. Писаремъ: восков. канцеляр. Иванъ Данилевскій. *Въ повѣтъ Золотоносскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Яковъ Искра. Судею: хоружій полк. Иванъ Андрѣевскій. Подсудкомъ: войсков. товар. Яковъ Рустановичъ. Писаремъ: войсков. канцел. Григорій Кононовичъ.

Полку Миргородского. *Въ повѣтъ Миргородскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Остроградскій. Судею: бунчук. товар. Петро Галецкій. Подсудкомъ: судя полков. Миргородскій Петро Галыховскій. Писаремъ: войсков. товар. Матвѣй Косяровский. *Въ повѣтъ Остаповскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Павелъ Остроградскій. Судею: сотникъ Остаповскій Григорій Базилевскій. Подсудкомъ: хоружій полковій Яковъ Зарудній. Писаромъ: войсков. канц. Андрей Устимовичъ.

Полку Гадяцкого. *Въ повѣтъ Гадяцкій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Владимиръ Велецкій. Судею: обозній полков. Иванъ Родзянко. Подсудкомъ: хоружій полковій Василь Навроцкій. Писаромъ: войсков. канцел. Иванъ Ставѣцкій. *Въ повѣтъ Зенковскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Василь Пѣратинскій. Судею: судя полков. Гадяцк. Федоръ Война. Подсудкомъ: войсков. товар. Иванъ Ставѣцкій. Писаремъ: войсков. канц. Василь Платановичъ.

А въ Чернѣговскій и въ Полтавскій полки таковы чины еще не опредѣлены. Что жъ принадлежитъ до коморнѣковъ, опредѣленныхъ отъ генеральной канцеляріи, то и объ онихъ при семъ для извѣстія приложенъ особливый реестръ.

Старшій войсковой канцеляристъ Антонъ Жайворонковъ. 1764 году, Мая 7.

Реестръ кто именно и къ какимъ подкоморымъ опредѣлены отъ генеральной войсковой канцеляріи коморникъми.

Къ подкоморому полку Стародубовскаго *повѣту Стародубовскаго* Михайлѣ Шираю, войск. канцеляристы: Василь Завадовскій и значков. товар. Василь Случановскій.

Къ подкоморому полку Старод. *пов.* Погарскаго, Петру Миклашевскому, войск. товар. Семенъ Лашкевичъ.

Къ подкоморому полку Прилуцк. *повѣту Иваніицкаго*, Григорію Горленку, значк. товар. Михайло Марковичъ и Петро Калѣновскій.

Къ подкоморому полку Кіевск. *повѣту Козелецкаго*, Александрю Солонинѣ, значк. товар. Григорій Лагода и Петро Пасенко.

Къ подкоморому полку Чернѣговск., *повѣту Чернѣговскаго*, Якову Борковскому, значк. товар. Михайло Сенюта и Михайло Каменецкій.

Къ подкоморому полку Лубенскаго *повѣту Роменскаго*, Василю Кулябкѣ, абшитованній хоружій полков. Лубенск. Іосифъ Борисекъ.

Къ подкоморому полку Переясловскаго *повѣту Переясловскаго*, Семену Безбородку, значк. товар. Алексѣй Чернацкій.

Старшій войск. канцеляристъ Антонъ Жайворонковъ. (Изъ рукописей нашей библіотеки).

XIII. Представленіе Роменскому земскому суду писаря его Савицкаго объ упрощеніи формъ гражданскаго процесса.

Въ судѣ земскій *повѣту Роменскаго*. Представленіе. Каждое входящее въ оной судѣ земскій дѣло вѣрнимъ опитомъ есть, что всѣ трудности, медленности и беспорядки происходятъ отъ излишней переписки. Излишняя переписка первоначально сія: что челобитчики подаютъ въ обидѣхъ своихъ исковіе доношенія и тѣ доношенія присутствующіе разсматривая, дѣлають опредѣленія о дачѣ позвовъ, которые чернѣ и начисто пишуться въ судѣ земскомъ. Сіе упражненіе сколь затруднительно, столь и медлительно, для челобитчиковъ же обидительно. Первое заключается зъ сего, что чѣмъ проходитъ время на разсмотрѣніе таковыхъ доношеній и на исправленіе по оныхъ надлежащаго, тѣмъ можно исправить прямо и существенно до всего обще суда принадлежащаго. Послѣднее доказывается тѣмъ, что челобитчики, наипаче бѣдніе простолюдины, нанимають иногда, и за немаліе денги, писать исковыя доношенія, а за позвы особо надлежащую уплатку дѣлають, покупая при томъ на все то и бумагу; такимъ образомъ входятъ въ сугубую волокиту и убытки. Примѣченно по дѣламъ и то, что съ таковыхъ непохвалнихъ обращеній раждаются непорядки такіе, что ябедники, неразумѣющіе силы закону и непонимающіе прямой точности истцевой жалобы, приступая къ сочиненію исковыхъ

доношеній, пишутъ иногда совсѣмъ противное, почему искатели иногда и въ самихъ правостяхъ лишаются доиску своего, да за таковыми же непорядочными писателями примѣченно и то, что они пишутъ доношения иногда съ излишнимъ пространствомъ, а иногда и съ упущениемъ принадлежащихъ обстоятельствъ, съ чего при производствѣ, не менше же и при разборѣ дѣла великое слѣдуетъ помѣшательство и излишнее времени упущеніе. Излишнее писмо есть и сие, что позывающіеся стороны, являясь на судовіе роки, подаютъ о явкахъ своихъ явочніи доношения, а въ судѣ таковыя доношения вписываются въ реестръ и приобщаются къ дѣламъ. Сей порядокъ сколь для челобитчиковъ тщетный и совсѣмъ безполезный, столь найпаче для канцелярскихъ служителей тяжестный, тщетный и безполезный: для челобитчиковъ посему, что они на сочиненіе таковыхъ доношеній убиточаются и проводятъ лишнее время, а для урядниковъ и служителей канцелярскихъ тяжестенъ посему, что въ разборѣ оныхъ, въ упискѣ въ реестръ, въ переборѣ и въ приписиваніи до дѣла, много времени уходитъ, такъ что по притчинѣ однихъ явокъ до того времени пока реестръ кончится едваль примутъ дѣла свое теченіе. Сіи жъ доношения почему введены въ судѣ земскомъ совсѣмъ неизвѣстно, ибо чтобъ тому быть на то нѣтъ нигдѣ узаконенія. Всѣ вышедонесенныя трудности и беспорядки могутъ быть уничтоженны, ежели поставить мѣри соотвѣтствующіе прямому разуму Малороссійскихъ законовъ Малоя Россіи данныхъ, права книги Статутъ и височайшими именными грамотами утвержденны (sic); на основаніи коихъ и суда земскіе учрежденны и имѣются повелѣнія, чтобы въ сихъ судахъ все по точности оныхъ правъ происходило, по тѣмъ же правамъ выдача повзовъ совсѣмъ къ должности судейской некасателна, ибо съ артикула 54-го, роздѣлу 4-го явствуетъ то, что повзовъ до знанія судей доходить тогда, когда обѣ стороны стануть передъ судомъ; выдача же повзовъ зависитъ единственно отъ должности писарской, по артикулу бо 18, въ роздѣлѣ 4, точно предписанно: естли кто имѣетъ обиду, то имѣетъ отъ писара земского того повѣту взять позвы, можетъ же сторона по тому же артикулу и готовій повозъ къ писару принести, которой долженъ онъ подписать и печать судейскую приложить. И тако исковіе доношения совсѣмъ ненужны для того, что по артикулу 16, роздѣлу 4-го стороны являющіеся на судовіе роки имѣютъ должность вписываться въ реестръ, а съ оного реестру долженъ визывать возной по ряду, кто прежде записался къ справѣ; а кто бы за трократнимъ вызивомъ неотозвался, таковъ сужденъ быть долженъ такъ какъ бы не сталъ. Надъ которое ясное о явкахъ постановленіе нѣтъ надобности быть явочнымъ доношениямъ, яко ни на какомъ законѣ основаннымъ; и по всѣмъ вышепредписаннымъ обстоятельствамъ не соблаговолитъ ли судъ земскій выдачу повзовъ и по онымъ явкамъ челобитчикамъ предписать на слѣдующемъ порядкѣ: 1) исковихъ доношеній отнинѣ не подавать, но всякъ въ обидѣ своей, обявя въ чемъ оная состоитъ, можетъ требовать позва у

меня, а я вислушавъ жалобу, долженъ съ принадлежащимъ обстоятельствомъ написать позовъ, или можетъ и сама сторона написать позовъ и принесть къ подпису ко мнѣ, а я должность имѣю оной подписать, не разбирая сили оного, кромѣ наблюдать долженъ форму и титулъ, ибо и по артикуламъ 19, 26 и 44, роздѣлу 4-го, непорочный позовъ въ вынность сторонѣ приписуется. 2) Истецъ получа позовъ и заготовивъ съ оного копию, отдать долженъ возному; а возній зѣ шлахтою и стороною имѣеть несть тотъ позовъ къ отвѣтчику и копию съ подлиннымъ позовомъ освидѣтельствовавъ, при той же шляхтѣ подлинный отдать отвѣтчику или на имѣнии полагаетъ, написавъ въ немъ срокъ къ явкѣ отъ персональной подачѣ четверонедельній, а отъ заочной шестонедельній, какъ о семъ по артикуламъ 17 и 18, въ роздѣлѣ 4, предписанно. А копию, съ такимъ же написаниемъ сроку, вручаетъ истцу зѣ своею помѣтою, что таковъ позовъ такого года, м-ця и числа, врученъ отвѣтчику или на имѣнии его такомъ то положенъ, а сию копию о вѣрности съ оригиналомъ подыписуеть. Далѣе же поступать въ сознаниі по прежде даннымъ наставленимъ. При отдачѣ же позововъ долженъ возній обомъ сторонамъ напоминать, чтобъ они старались стать въ судѣ со всѣми своими документами, какъ и до сего отъ суда земского публиковано. 3) Явочнихъ доношеній ненадобно, но долженъ истецъ, являсь имѣть при себѣ скрѣпленную вознимъ копию позва и записаться въ реестръ, а когда возній позоветъ съ реестра и обѣ стороны стануть предъ судомъ, то истецъ долженъ, въ силу артикула 54 роздѣлу 4-го, дать объявленную копию позва и по оному позву производить судные рѣчи и далѣй дѣйствовать, какъ и нинѣ въ судѣ земскомъ дѣлается. 4) Какіе случаются спори прежде суда, по онимъ, равно же и по такимъ дѣламъ, которые внѣ судной контроверсіи можно подавать и доношения и просить того, чего кому надобно.

Все вышеписанное подѣ благоразсмотрение суда земского представляю. Писаръ земскій повѣту Роменского Григорій Савицкій. 1768 года, сентября 15 дня. (Съ подлинника).

Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи.

Земскаго санитарнаго врача Н. И. Тезякова.

Изд. Херсон. губ. земской управы. Херсонъ 1896 г.

I.

Громадное, если не первенствующее значеніе обезпечивающихъ матеріальную жизнь людей экономическихъ условій проходить красной нитью не только во всей исторіи человѣчества, не только въ современныхъ взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, группъ населенія и отдѣльныхъ людей, но и какъ въ историческомъ, такъ и современномъ распредѣленіи человѣчества по земной поверхности. Какъ народы, такъ и отдѣльные ихъ піонеры всегда стремились найти каждый свою «обътованную землю», кипящую «молокомъ и медомъ».

При рѣдкости населенія и обширности болѣе или менѣе удобныхъ къ заселенію пространствъ, извѣстная группа человѣчества могла удобно вести кочевой образъ жизни, переселяясь съ мѣста на мѣсто, даже изъ одной части свѣта въ другую. Горы, пустыни, моря, океаны полагали имъ границы,—рѣки, озера, лѣса, луга служили имъ приманкой, располагая къ осѣдлости.

Находясь въ первобытномъ, близкомъ къ животному состояніи, человѣкъ размножался, а въ извѣстныхъ мѣстахъ размножается и теперь крайне медленно, вслѣдствіе многого множества препятствующихъ размноженію условій—какъ стихійнаго, такъ и бытового характера. Голодь, холодъ, взаимная вражда, неравномѣрное распредѣленіе половъ, неосмысленное пользованіе половымъ влеченіемъ, дурное обращеніе съ дѣтьми и съ матерями—все это и многое другое часто вело къ прекращенію поколѣній и цѣлыхъ родовъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, однѣ группы людей нерѣдко цѣликомъ истребляли другія, не смотря даже на достаточность для всѣхъ нихъ пищи, воды, пастбищъ и т. п.

Развитіе семейнаго, родоваго и общиннаго быта, на ряду съ развитіемъ внѣшней культуры, обеспечивающей отъ холода, голода, разнаго рода враговъ, необходимо должно было сопровождаться и улучшеніемъ санитарныхъ условій быта, а слѣдовательно большей обеспеченностью жизни и здоровья, что не могло не сопровождаться усиленнымъ размноженіемъ людей. Въ первое время такое усиленное размноженіе могло вести къ свободнымъ переселеніямъ цѣлыхъ группъ и отдѣльныхъ родовъ въ мѣста менѣе густо или совсѣмъ не заселенныя. Но затѣмъ, когда въ разныхъ мѣстахъ образовалось нѣсколько болѣе или менѣе заселенныхъ пунктовъ, такія переселенія должны были все болѣе и болѣе ограничиваться вслѣдствіе препятствій, представлявшихся со стороны ранѣе поселившихся тамъ группъ населенія.—Во времена «великаго переселенія народовъ» Еврона была еще едва обитаема, за исключеніемъ южныхъ ея полуострововъ и острововъ. Поэтому пришедшіе тогда народы и приобрѣли себѣ здѣсь осѣдность, если не всѣ, то въ значительной степени. Начавшееся послѣ X в. по Р. X. татарско-монгольское переселеніе встрѣтило въ Европѣ уже гораздо болѣе отпоръ и до настоящаго времени осталась отъ тѣхъ временъ только погибающая турецкая имперія, тогда какъ монголы, послѣ почти двухвѣковаго владычества надъ Русью, должны были отступить, слиться или разсѣяться среди первоначальнаго населенія.

Въ настоящее время о какихъ либо массовыхъ переселеніяхъ въ заселенной ранѣе всего 3. Европѣ, не выходя изъ ея предѣловъ, почти и рѣчи быть не можетъ. Развитіе внѣшней культуры и знаній, улучшеніе санитарныхъ условій повело и продолжаетъ еще вести къ очень быстрому росту населенія, который давно уже сталъ понуждать къ переселеніямъ въ другія части свѣта, къ образованію такъ наз. колоній, изъ которыхъ нѣкоторыя сами уже превратились въ самостоятельныя страны или въ своеобразныя народности, какъ, напр., сѣверо-американская. То же населеніе, которое осталось на мѣстѣ, по необходимости, приобрѣло полнѣйшую осѣдность, такъ или иначе приспособившись въ своемъ существованіи къ ограниченнымъ мѣстнымъ условіямъ. Въ 3. Европѣ каждое сельское хозяйство, каждый заводъ, каждая фабрика, какое бы то ни было торговое или промышленное предпріятіе служатъ, такъ сказать, ядромъ кристаллизаціи населенія, т. е. образованія постояннаго поселенія, болѣе или менѣе вполне удовлетворяющаго мѣстному спросу.

Не то еще мы видимъ у себя, въ В. Европѣ. Обширныя степныя пространства на востокъ и югъ ея сто лѣтъ тому назадъ были почти безлюдными. Для заселенія ихъ тогда обращались къ иностранцамъ, результатомъ чего и явились приволжскія и новороссійскія нѣмецкія и славянскія «колоніи». Но на ряду съ иностраннымъ, началось тогда же заселеніе этихъ степныхъ пространствъ помѣщичьими, удѣльными и государственными крестьянами, которые и до сихъ поръ еще не потеряли сво-

ихъ мѣстныхъ особенностей. Въ Самарской, напр., губерніи и до сихъ поръ «Орловцы» отличаются отъ «Тамбовцевъ», «Рязанцевъ» и т. п. Въ селлахъ есть орловскіе, рязанскіе, тамбовскіе концы. Южно-русскія степи заселялись избыткомъ малороссійскаго населенія изъ-за Днѣпра, но и здѣсь есть образовавшіяся въ текущемъ столѣтіи великороссійскія поселенія.

Наши степи, не считая иностранцевъ, заселялись очевидно въслѣдствіе внутреннихъ переселеній изъ наиболѣе густо заселенныхъ частей страны, какъ заселяется еще теперь Сибирь. — Новые поселенцы, пользуясь обширностью незаселенныхъ пространствъ, могли тѣмъ или другимъ путемъ приобрѣтать въ собственность сравнительно большіе участки. Правительство, въ заботахъ о заселеніи пустыхъ пространствъ, раздавало тогда громадныя участки въ награду за службу и другія заслуги.

На основаніи имѣющагося фактическаго матеріала, д-ръ Тезяковъ говоритъ, что Херсонская губернія принадлежитъ къ мѣстностямъ съ преобладаніемъ частнаго владѣнія и притомъ крупнаго. Въ 1893 г. частнымъ лицамъ принадлежало въ указанной губерніи 48% всей ея площади, а изъ этой частновладѣльческой земли около 70% находилось тогда въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. — То же вѣроятно, въ большей или меньшей степени, примѣнено и къ другимъ нашимъ степнымъ, южнымъ и восточнымъ губерніямъ. Всѣмъ памятно, какъ въ сравнительно недавнее время происходило превращеніе въ частную собственность обширныхъ башкирскихъ земель въ Уфимской губерніи, когда отдѣльныя ихъ участки переходившіе въ однѣ руки, измѣрялись болѣею частью не сотнями, а тысячами десятинъ. Нѣчто подобное было вѣроятно въ болѣе раннее время и въ другихъ ненаселенныхъ или слабо заселенныхъ мѣстахъ.

Какъ только земля изъ общегосударственной становится частновладѣльческой, о болѣе или менѣе свободномъ заселеніи ея не можетъ быть и рѣчи. Но за то, какъ только на сколько нибудь значительныхъ участкахъ послѣдней появляется мало-мальски организованное сельское хозяйство, по необходимости, является вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ значительномъ числѣ рабочихъ. При сравнительно слабой заселенности края, при обезпеченности мѣстнаго населенія земельными надѣлами, а тѣмъ болѣе земельной собственностью, недостатокъ въ наемныхъ рабочихъ, по необходимости, ощущается и, чтобы поддержать хозяйство, приходится искать ихъ на сторонѣ, именно тамъ, гдѣ населеніе гуще, земельныя надѣлы меньше, земельная собственность ограниченнѣе. Въ прежнее время для работъ въ своихъ степныхъ хозяйствахъ болѣе или менѣе крупныя помѣщики переводили туда своихъ крестьянъ изъ болѣе центральныхъ и, слѣдовательно, болѣе заселенныхъ губерній. Потомъ крупныя степныя хозяева стали высылать своихъ повѣренныхъ въ эти послѣднія губерніи для заблаговременнаго найма рабочихъ на извѣстные рабочіе сроки. А теперь болѣею частью сами рабочіе, т. е. бѣдные крестьяне отправляются на заработки туда и къ тому времени, гдѣ и когда ожи-

дается болѣе или менѣе значительный спросъ на ихъ руки. Прежде поэтому спросъ, такъ сказать, искалъ предложенія, а теперь уже предложеніе ищетъ спроса, что конечно не можетъ служить къ выгодѣ перваго, какъ это и доказывается разбираемой книгой д-ра Тезякова, главнымъ предметомъ которой служатъ не постоянные, а временные, пришлые рабочіе.

II.

Д-ръ Тезяковъ говоритъ: «Главная причина, вынуждающая массы рабочихъ разныхъ половъ и возрастовъ пускаться въ далекіе отхожіе промыслы, *бѣдность, зависящая отъ малоземелья*», отъ котораго особенно страдаютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе при выкупѣ по 2, по 3 десятины на одну ревизскую душу. Въ настоящее время, въ зависимости отъ увеличенія населенія, фактически земельные надѣлы необходимо стали еще меньше. Изъ опросовъ самихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ лечебно-продовольственныхъ пунктахъ Херсонской губерніи оказалось, напр., что на мѣстахъ ихъ жительства (преимущественно въ Кіевской губерніи) «въ большинствѣ случаевъ однимъ надѣломъ пользуются 4—6 хозяевъ» (Тезяковъ, стр. 77).

По Янсону (Тезяковъ, стр. 74), при недостаточности надѣловъ, помѣщичьи крестьяне вездѣ въ черноземной области вносятъ разныхъ платежей несравненно больше, чѣмъ бывшіе государственные крестьяне.

Вслѣдствіе всего этого понятно, почему «сельско-хозяйственные рабочіе въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ совсѣмъ скота и являются въ полномъ смыслѣ голыми бобылями» (Тезяковъ, стр. 77).

Въ Маѣ 1894 г., при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, образована особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ. Изъ помѣщенного въ «трудахъ» этой комиссіи изслѣдованія С. А. Короленка, какъ и изъ его доклада «обзоръ современнаго экономическаго положенія Россіи», сдѣланнаго имъ С.-Петербургскому обществу сельскихъ хозяевъ, видно, что, при приблизительномъ конечно вычисленіи, въ 21 центральныхъ и западныхъ губ., при общемъ населеніи въ 36 милл. (въ 1893 г.), общій избытокъ населенія равняется 7 милл. человекъ, если именно на каждаго взрослого рабочаго класть по $2\frac{1}{2}$ десятины, а на семью изъ 6 душъ—по 7. «Собственно *избытокъ взрослыхъ рабочихъ*, за удовлетвореніемъ всѣхъ мѣстныхъ нуждъ, составляетъ въ нихъ около 3 милл. человекъ, которые принуждены искать себѣ работы на сторонѣ» (Тезяковъ, стр. 15). Судя по количеству выдаваемыхъ паспортовъ, дѣйствительно почти такое количество рабочихъ и уходитъ на временные заработки.—Въ то же время въ 8 южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ и областяхъ *недостатокъ населенія*, по Короленко, опредѣляется приблизительно въ 13 миллионъ, а недостатокъ собственно рабочихъ въ 3 милл.

Но къ этому исчисленію нужно сдѣлать то существенное дополненіе, что не принятое при выводѣ его во вниманіе Предкавказье (Ставропол. губ., Терская и Кубанская области) одно, само по себѣ, навѣрное нуждается не менѣе, какъ въ миллионѣ рабочихъ. По официальнымъ даннымъ, приведеннымъ въ «Кавказскомъ календарѣ» за 1894 г., на каждую наличную мужескую душу удобной земли разныхъ угодій приходится: въ Терской области 14,3 десятины, а въ станицахъ даже 17,5, въ Кубанской у казаковъ 15,8, у крестьянъ 4,2, въ Ставропольской губ. около 8 десятинъ. — Въ урожайный 1892 г., за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, избытокъ собраннаго хлѣба въ Ставроп. губ. исчислялся почти въ 3, а въ Кубанской даже въ 9 миллионѣ четвертей. Не смотря на хорошій урожай, рабочія руки въ обѣихъ мѣстностяхъ были недороги, такъ какъ «съ осени 1891 г. въ нихъ временно проживало много пришлыхъ рабочихъ изъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ въ 1891 г.». Въ теченіе самаго 1892 г. былъ кромѣ того громадный наплывъ новыхъ рабочихъ изъ тѣхъ же мѣстъ. По официальнымъ даннымъ, въ Кубанской области въ этомъ году приобрѣло осѣдность до 55,000, да временно пребывало до 50,000 человекъ.

Принявъ во вниманіе эти данныя, указанный выше недостатокъ рабочихъ въ нашихъ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ и областяхъ долженъ быть значительно увеличенъ и, слѣдовательно, не исполнѣ можетъ пополняться указаннымъ же выше избыткомъ населенія во внутреннихъ губерніяхъ.

По приводимымъ д-ръ Тезяковымъ даннымъ, изъ всей массы зарегистрированныхъ въ Херсонской губ. за 3 года (1891—93) рабочихъ, при общемъ количествѣ ихъ въ 103,339 человекъ, около 53% приходило изъ Кіевской и около 31% изъ Полтавской губ. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ общихъ данныхъ, касающихся этихъ 3 губерній (Харьковский календарь за 1897 г.).

Кіевская губ. имѣетъ площадь, равную приблизительно 4.600,000 десятинъ, при 3.300,000 населенія. Изъ этой площади въ 1895 г. было засѣяно 1.410,000 десятинъ. Вычисляя отношенія площадей ко 100 человекъ населенія, найдемъ, что изъ общей площади губерніи на нихъ приходится около 140 десят., а изъ посѣвной около 46 десят., причемъ величина посѣвной площади составляетъ около 31% величины всей площади.

Полтавская губ. имѣетъ площадь, равную приблизительно 4.500,000 дес., при 3.138,000 населенія. Изъ этой площади въ 1895 г. было засѣяно 1.482,000 дес., слѣдовательно около 33%. Изъ всей площади губерніи на 100 чел. населенія приходится около 143, а изъ посѣвной — около 47 десятинъ.

Херсонская губ. имѣетъ площадь, равную приблизительно 6.482,000 десятинамъ, при 2.400,000 населенія. Въ 1893 г., по Тезякову, было въ ней засѣяно 3.270,000 десят., слѣдовательно около 51%, а въ 1895 г.

около 2.950,000 десят., следовательно около 45%. На 100 человекъ населенія изъ всей площади губернии приходится около 210 (безъ Одессы и Николаева 304), а изъ посѣвной 123—136 десят. (безъ Одессы и Николаева въ 1895 г. около 140 дес.).

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ Киевской и Полтавской губ., при значительно большей величинѣ населенія, и абсолютно, и относительно засѣвается приблизительно вдвое меньшая площадь земли, чѣмъ въ губ. Херсонской. Если мы на взрослое здоровое мужское населеніе положимъ 20% всего населенія, то въ губ. Киевской и Полтавской на одного взрослого работника придется нѣсколько менѣе 2½ десят. посѣвной земли, а въ губ. Херсонской—около 6½ (безъ Одессы и Николаева 7 десят.). Если бы мы взяли одно только крестьянское населеніе, то отношенія эти значительно бы повысились. Такъ, по Тезякову, въ 1893 г. крестьянское населеніе въ Херсонской губернии состояло изъ 1.656,808 чел. (69,1% всего населенія). Вполнѣ взрослое мужское населеніе, при указанномъ условіи, составитъ 331,400 чел. и, следовательно, при 3.270,000 десят. посѣва, на одного работника приходилось бы тогда 10 десят. посѣвн. При помощи подростковъ, женщинъ, одинъ такой работникъ едва можетъ управиться съ 2—3 десятинами посѣва. Поэтому Херсонская губ. сверхъ постоянного осѣдлаго мужскаго рабочаго населенія, должна была нуждаться для обработки земли и уборки хлѣба, по крайней мѣрѣ, въ ½ мил. рабочихъ, что совпадаетъ съ приводимыми д-ромъ Тезяковымъ данными департамента земледѣлія (стр. 18). Подростки, женщины, постоянные (годовые) работники при имѣніяхъ и наконецъ машины (Тезяковъ, стр. 70 и слѣд.) могли очевидно покрыть большую часть этого недостатка, такъ что въ 1893 г., по приблизительному разсчету, въ Херсонской губ. было только около 125 тыс. пришлыхъ рабочихъ (Тезяковъ, стр. 27).

Въ Киевской и Полтавской губ. условія экономической обеспеченности крестьянъ приблизительно одинаковы—и если въ Херсонскую губ. является значительно больше рабочихъ изъ первой, то это зависитъ отъ чисто топографическихъ условій. Полтавцамъ удобнѣе во многихъ отношеніяхъ идти въ Екатеринославскую, а особенно *Таврическую* губ., гдѣ въ 1895 г. на 100 душъ всего населенія приходилось 450 десят. всей и около 165 десят., посѣвной площади,—при 5.700,000 десят. общей, 2.113,720 посѣвной площади и при 1.277,000 населенія. Недостатокъ рабочихъ въ ней можетъ быть опредѣленъ приблизительно въ 300,000 чел. (по Департаменту земледѣлія въ 268,445, Тезяковъ стр. 18).

III.

Указанная въ заголовкѣ книга д-ра Тезякова составлена по матеріаламъ лечебнопродовольственныхъ пунктовъ Херсонской губерніи за 1893—95 гг. Пункты эти представляютъ собою соединеніе въ одномъ мѣстѣ дешевыхъ и частью бесплатныхъ народныхъ столовыхъ и бесплат-

ныхъ врачебныхъ амбулаторій. Первые такіе пункты были устроены въ Херсонской губ. въ 1892 г., когда, вслѣдствіе неурожае въ значительномъ числѣ внутреннихъ губерній, былъ особенно большой приливъ туда голодныхъ рабочихъ, подвергавшихся заболѣванію сыпнымъ тифомъ. Въ устройствѣ такихъ пунктовъ принимали участіе комитеты Краснаго Креста, города, но преимущественно земства—уѣздныя, а главнымъ образомъ—губернское.

За указанные 3 года всего на лечебнопродовольственныхъ пунктахъ Херсонской губ. было зарегистрировано (на артельныхъ, а обѣдавшихъ и на личныхъ картахъ) 162,850 человекъ. Эта регистрація дала возможность опредѣлить мѣста выхода рабочихъ, ихъ полъ, возрастъ, направленіе пути, распредѣленіе по губерніи, способы передвиженія, экономическую состоятельность, болѣзненность. Благодаря ей, въ Россіи въ первый разъ получилась возможность начать надлежащее изученіе такого важнаго у насъ экономическо-бытоваго явленія, какъ отхожіе промыслы, въ области именно сельско-хозяйственной промышленности. Это представляетъ очень важную заслугу Херсонскаго земства и особенно санитарно-врачебной его части, такъ какъ на всѣхъ указанныхъ пунктахъ главными руководителями и дѣятелями являлись постоянные или временно приглашенные земствомъ для данной цѣли врачи и студенты-медики.

Какъ и слѣдовало ожидать, рабочіе идутъ на сторону изъ сравнительно мало—въ сравнительно многоземельныя мѣстности, что достаточно демонстрировано приведенными уже примѣрами. Для дополненія послѣднихъ можно еще указать на губерніи Черниговскую, Харьковскую и Воронежскую съ одной стороны и на область войска Донскаго съ другой, по даннымъ «Харьковского календаря» за 1897 г.

Черниговская губ. Въ ней считается около 4,7 милл. десятинъ. Въ 1895 г. на 2,381,700 жит. посѣвная площадь въ ней равнялась 1,248,240 десят. Слѣдовательно на 100 жит. въ ней приходилось тогда около 200 дес. общей и 52—посѣвной. Слѣдовательно, отношенія не много лучше тѣхъ, какія имѣются въ Кіевской и Полтавской губ. По Короленко, изъ Черниговской губ. должно уходить на заработки до 172,000 чел.

Харьковская губ. Въ ней считается около 5,278,000 дес. Въ 1895 г. на 2,639,000 жит. посѣвная площадь въ ней равнялась 1,600,817 десят. Слѣдовательно, на 100 жит. въ ней приходилось тогда около 200 десят. общей и 61 десят. посѣвной площади. Отношенія разнятся отъ Черниговской губ. нѣсколько только въ примѣненіи къ посѣвной площади.

Воронежская губ. При населеніи въ 1895 г. въ 2,742,000 чел., общая площадь ея равняется приблизительно 6 милл. дес., а посѣвная—2,062,160. Слѣдовательно, на 100 жит. въ ней приходилось тогда 220 дес. общей и 75—посѣвной площади. Условія здѣсь почти на $\frac{1}{3}$ лучше, чѣмъ въ Кіевской и Полтавской, и замѣтно лучше, чѣмъ даже въ Харьковской, но не смотря на это, изъ Воронежской губ. не мало рабочихъ идетъ на Донъ и Кавказъ.

Выше приведены уже данные относительно Предкавказских губерний и областей. Теперь въ дополнение къ нимъ приведемъ еще данные относительно *Донской* области, вся площадь которой равняется приблизительно 15 милл. десят., при населеніи въ 1895 г. въ 2.268,000 и посѣвной площади въ 3.149,008 десят. На 100 жит. въ области приходилось тогда около 660 десят. общей и около 140 посѣвной. На одного взрослого работника въ ней должно было приходиться тогда около 7 дес. посѣва и слѣдовательно потребность въ пришлыхъ рабочихъ должна доходить въ ней до 300—400,000 чел.

Какъ выше замѣчено, больше всего отъ малоземелія страдаютъ бывшіе *помѣщичьи* крестьяне. Соотвѣтственно этому, на долю этихъ крестьянъ изъ всѣхъ пришлыхъ рабочихъ въ Херсонской губ. приходилось въ 1893—94 г. около $\frac{2}{3}$ (56—68%).

По поламъ, на долю *женщинъ* приходилось среди пришлыхъ рабочихъ Херсонской губ. среднимъ числомъ около 20%, но въ разныхъ партіяхъ, въ разные годы и въ разныхъ мѣстахъ относительное количество ихъ колебалось отъ 4 до 35%. При этомъ особенно характерно то, что въ то время, какъ изъ рабочихъ-мужчинъ на *возрастъ* моложе 20 лѣтъ приходилось только едва 15%, изъ среды рабочихъ женщинъ — на тѣже возрасты приходилось 63% (Тезяковъ, 83). Объясняется это конечно тѣмъ, что замужнія женщины, матери семействъ рѣдко могутъ оставлять домъ, почему изъ всѣхъ женщинъ-рабочихъ на замужнихъ падаетъ едва 10—15%, тогда какъ женатые мужчины составляли до 60% всѣхъ работниковъ (Тезяковъ, 83 стр.). Д-ръ Тезяковъ справедливо указываетъ, что участіе незамужнихъ женщинъ въ отхожихъ промыслахъ должно оказывать дурное вліяніе на ихъ нравственность, да и на самое ихъ здоровье. Въ обоихъ отношеніяхъ важное значеніе имѣетъ ихъ сравнительно ранній возрастъ (см. выше). Между мужчинами-рабочими преобладаютъ возрасты отъ 20 до 30 лѣтъ, а потомъ отъ 30 до 40.

На лечебнопродовольственныхъ пунктахъ Херсонской губ. отмѣчалась и *грамотность* рабочихъ, причемъ оказалось, что на долю грамотныхъ въ средѣ пришлыхъ рабочихъ въ указанные годы приходилось нѣсколько менѣе 12%, что для одного только взрослого населенія представляетъ конечно крайне незначительную величину.

Данные относительно способовъ *передвиженія* рабочихъ съ мѣста родины показали, что около 70% ихъ прибывали въ Херсонскую губ. пѣшкомъ, причемъ около $\frac{1}{4}$ такихъ рабочихъ нанимали (артельно) подводы для перевозки багажа. Пароходами ѣхало около 8%, по желѣзнымъ дорогамъ около 5% и на лодкахъ (дубахъ) около 9%. Повидимому, особенное нерасположеніе рабочіе чувствуютъ къ наиболѣе усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, что объясняется, можетъ быть, не столько дороговизной переезда, сколько связанными съ ними громадными неудобствами, на которыя справедливо указываетъ въ своей книгѣ и д-ръ Тезяковъ (стр. 35).

Но нельзя вполне согласиться съ послѣднимъ въ томъ отношеніи, что пѣшее передвиженіе представляетъ громадную трату силъ. Опросъ рабочихъ показалъ, что они съ мѣста родины до мѣста работы доходятъ среднимъ числомъ въ 10 дней. Если такъ передвигается 100,000 человѣкъ, то очевидно тратится 1 милл. дней (а не 12.500,000 на 125,000 рабочихъ, какъ по ошибкѣ вычислено у Тезякова, стр. 37). Оцѣнивая день даже только въ 25 коп., и то получимъ 250,000 р., т. е. трату по 2 р. 50 коп. на каждаго рабочаго. А сколько бы однако онъ заплатилъ за переѣздъ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ? Едва ли этотъ переѣздъ стоилъ бы ему менѣе 2½ р., что для своего покрытія требовало бы, кромѣ времени переѣзда, еще 10-ти дней работы. Если въ данномъ случаѣ о какихъ-либо потеряхъ, связанныхъ съ переходами, можетъ быть рѣчь, то о потеряхъ мышечной силы, ведущихъ къ общему ослабленію организма и, слѣдовательно, къ образованію предрасположенія къ разнаго рода заболѣваніямъ. Хотя замѣчательно, что, по Тезякову, «передвиженіе рабочихъ пароходами оказывается при настоящихъ условіяхъ самымъ нездоровымъ способомъ передвиженія; съ нимъ конкурируетъ въ смыслѣ вреднаго вліянія на здоровье рабочихъ передвиженіе желѣзными дорогами. Передвиженіе пѣшкомъ въ общемъ менѣе вредно отражается на здоровьи рабочихъ... Можно, пожалуй, подумать, что рабочіе предпочитаютъ пѣшее хожденіе, сопряженное съ громадной тратой времени, прямо таки изъ чувства самосохраненія, щадя свое здоровье» (стр. 139). Испытывая всевозможныя, связанныя съ дорогой невзгоды, пришлые рабочіе и на мѣстѣ работъ находятъ очень мало удобствъ для своей жизни. Дорожныя невзгоды особенно велики для тѣхъ рабочихъ, которые выходятъ изъ дома ранней весной и даже поздней зимой, какъ это въ довольно значительной степени дѣлаютъ рабочіе изъ внутреннихъ губерній. Рабочіе изъ ближайшихъ къ Херсонской малороссійскихъ губерній начинаютъ сколько-нибудь значительными массами двигаться лишь съ половины Мая, слѣдовательно уже въ теплое время.

Только въ меньшинствѣ экономій, нанимающихъ рабочихъ, помѣщенія для рабочихъ болѣе или менѣе удовлетворительны. Да и лучшія изъ нихъ обыкновенно очень тѣсны, грязны, преимущественно съ земляными полами. Въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ спать, — варятъ пищу, сушатъ мокрое платье. «Не трудно представить себѣ пропитанную всевозможными миазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда сырымъ кожухомъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневной работой, нерѣдко мужчины и женщины рядомъ» (Тезяковъ, стр. 90). Въ большинствѣ экономій Херсонской губ. специально рабочихъ помѣщеній нѣтъ, а вмѣсто нихъ служатъ какія-нибудь избы, хаты, кухни, землянки, а то просто сарай. Если встрѣчаются больные, то они лежатъ по большей части вмѣстѣ съ здоровыми (стр. 8). *Продовольствіе рабо-*

чихъ въ экономіяхъ, отличающъ крайнимъ однообразіемъ, въ состояніи поддерживать жизнь и здоровье привычныхъ къ такой пищѣ людей. Въ основѣ его лежитъ ржаной хлѣбъ (2—3 фунта), затѣмъ пшеничная крупа ($\frac{1}{2}$ —1 ф.), пшеничная или гречневая мука для галушекъ ($\frac{1}{2}$ —1 ф.) и сало ($\frac{1}{40}$ — $\frac{1}{10}$ ф.). О мясѣ въ обыкновенное рабочее время и помину нѣтъ. Оно бываетъ иногда, и то рѣдко, на столѣ рабочихъ лишь по праздникамъ. Въ обыкновенное время самое большее, если рабочий получаетъ кусокъ сухой тарани. Да и при указанныхъ условіяхъ д-ръ Тезяковъ считаетъ себя въ правѣ думать, что рабочіе въ большинствѣ случаевъ получаютъ питательныхъ веществъ меньше положеннаго. «Продовольствіе рабочихъ въ экономіяхъ обходится недорого 8—10 коп. на челоѣка. «Со стороны рабочихъ часто слышатся жалобы на плохія харчи. Эти жалобы, нерѣдко вполнѣ основательныя, чаще всего служатъ однимъ изъ поводовъ къ уходу рабочихъ изъ экономій» (стр. 92).—Если къ этому присоединить часто встрѣчающуюся, особенно при полевыхъ работахъ, дурную воду для питья, то нельзя не признать, что питаніе рабочихъ въ гигиеническомъ отношеніи не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. А между тѣмъ требуемая отъ нихъ работа не легкая. Въ общемъ, по Тезякову, *рабочій день* сельскаго рабочаго продолжается отъ 12 $\frac{1}{2}$ до 15 час. Не говоря уже о недостаточной защитѣ отъ вредныхъ вліяній погоды, на рабочихъ даннаго рода и самыя работы часто отзываются очень дурно. Д-ръ Тезяковъ особенно выдвигаетъ вредное вліяніе *пыли*, развивающейся въ громадномъ количествѣ при пользованіи молотилками (стр. 93), а также причиняемыя сельскохозяйственными машинами болѣе или менѣе тяжкія *травматическія* поврежденія (стр. 126).

Все приведенное рисуетъ очень неприглядную картину существованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ—и не только конечно въ Херсонской, но и въ другихъ, находящихся въ подобныхъ условіяхъ губерніяхъ. Для дополненія этой картины можно еще указать на крайне малую обезпеченность *медицинской помощи* заболѣвающимъ въ экономіи рабочимъ. «Въ экономіяхъ, гдѣ нерѣдко число рабочихъ доходитъ до 100 и болѣе, за рѣдкими исключеніями, не поднимался даже вопросъ объ организаціи для нихъ медицинской помощи». «На губернскомъ собраніи врачей Херсонской губ. въ Мартѣ 1893 г. делегатами отъ всѣхъ уѣздовъ было указано на полное отсутствіе въ экономіяхъ изоляціонныхъ помѣщеній для больныхъ и запаса лекарствъ». «Врачъ Трутовскій на Одескомъ съѣздѣ врачей въ Юлѣ 1893 г. заявилъ, что экономическіе рабочіе, тяжело больные или получившіе на работѣ раненія, часто не доставляются и даже не направляются нанимателями въ больницы на излѣченіе, а прямо изгоняются изъ экономій» (стр. 95). Въ случаѣ же помѣщенія больныхъ рабочихъ въ лечебницы, хозяева вычитаютъ изъ ихъ условленной *срочковой платы* за дни пребыванія въ послѣднихъ, какъ за дни прогульные, руководясь при этихъ вычетахъ поденной платой, которая въ

горячее время может доходить до 1 р. 50 к. и болѣе, при средней сроковой -- по 50 коп. въ сутки (стр. 96).

IV.

Если, не смотря на всѣ связанные съ отхожими промыслами невзгоды, рабочіе все-таки изъ года въ годъ отправляются массами искать работы на сторонѣ, то необходимо должны существовать при этомъ какія-либо привлекающія ихъ выгоды. Дома, какъ указано выше, у нихъ нѣтъ или очень мало и работы, и средствъ, а между тѣмъ, какъ члены общества, какъ граждане государства, они должны вносить для ихъ поддержанія свою лепту, которую такъ или иначе нужно добыть, чтобы не потерять своихъ правъ. И вотъ они идутъ туда, гдѣ быть, есть или только можетъ быть спросъ на ихъ работу.

Назадъ тому болѣе 20 лѣтъ Чаславскій (Сборн. госуд. знаній, т. II) писалъ, что «въ отхожіе земледѣльческіе промыслы народъ пускается по большей части на авось, теряетъ и время, и силы при переходахъ, подвергается болѣзнямъ, приноситъ ихъ домой, иногда возвращается и вовсе безъ заработковъ. Такія передвиженія не могутъ быть выгодны для народнаго хозяйства. Они составляютъ одну изъ темныхъ сторонъ въ бытѣ народа... По словамъ Короленко (въ «Трудахъ» комиссіи при министерствѣ земледѣлія), и теперь (въ 1894 г.) такія передвиженія совершаются зря, какъ попало и куда попало, почему результаты, достигаемые уходящими рабочими, въ общемъ получаются самыя неудовлетворительныя, между прочимъ, и потому, что не всѣ, ищущіе въ извѣстныхъ мѣстахъ работы, ее находятъ, въ зависимости отъ состоянія и измѣненій погоды, опредѣляющихъ болѣе или меньшій урожай и, слѣдовательно, болѣе или меньшій спросъ на рабочія руки (Тезяковъ, стр. 16).

«Спросъ на сельскій трудъ, говоритъ д-ръ Тезяковъ, и предложеніе этого труда у насъ разбѣдинены громадными пространствами. Въ силу этого, при малой культурности рабочихъ, отсутствіи инициативы у работодателей, при отсутствіи какихъ-либо правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которые систематически слѣдили бы за колебаніями въ области сельскаго хозяйства спроса и предложенія на рабочія руки и проч., повторяется изъ года въ годъ печальное явленіе, что многія тысячи голодныхъ рабочихъ тщетно ищутъ работы тамъ, гдѣ ея нѣтъ, съ другой стороны, землевладѣльцы нерѣдко остаются безъ рабочихъ рукъ... Въ силу того хаоса, который сопровождаетъ движеніе рабочихъ, условія найма и заработка рабочихъ зависятъ не только отъ спроса и предложенія, но и отъ массы всевозможныхъ случайностей, которыхъ не могутъ предвидѣть ни работодатели, ни рабочіе» (стр. 64).

При указанныхъ условіяхъ вполне естественны всевозможныя недоразумѣнія и неудовольствія во взаимныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими, зависяція по преимуществу отъ стремленія однихъ меньше

дать и отъ желанія другихъ больше взять. Ради такихъ мотивовъ, одни отказываютъ раньше срока, задерживаютъ плату или разными «прижимками» (Тезяковъ, стр. 66) вынуждаютъ рабочихъ бросать не только работу, но и свои паспорта, а другіе самовольно уходятъ раньше срока, прослышавъ про лучшіе заработки въ другихъ мѣстахъ. По Тезякову, «отъ этого хаотическаго состоянія въ отношеніяхъ рабочихъ и нанимателей терпятъ больше первые».

И раньше положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, по мнѣнію разныхъ изслѣдователей, было хуже положенія рабочихъ другого рода, а теперь еще болѣе, благодаря замѣчаемому въ послѣдніе годы систематическому *пониженію цѣны* на рабочія руки, какъ вслѣдствіе все увеличивающагося ихъ предложенія, такъ и вслѣдствіе быстро усиливающагося въ послѣднее время распространенія сельскохозяйственныхъ машинъ (стр. 67, 71). Въ книгѣ д-ра Тезякова, относительно послѣдней стороны имѣются только недостаточныя данныя касательно числа молотилокъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Херсонской губ., да и то за 80-е годы. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ за болѣе близкое къ намъ время въ одной изъ привлекающихъ массу рабочихъ областей, можно привести здѣсь данныя, находящіяся въ «Кавказскомъ календарѣ» за 1894 г. и относящіяся къ Кубанской области (выше приведены уже нѣкоторыя данныя, касающіяся состоянія въ ней сельскаго хозяйства). Въ 1892 г. всѣхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій въ Кубанской области было 135,922. Изъ нихъ плуговъ 78,356, жатвенныхъ машинъ 6,200, вѣялокъ 30,762, конныхъ граблей 8,658, усовершенствованныхъ боронъ 8,409, молотилокъ конныхъ 1,683 и паровыхъ 799 и пр. За одинъ 1892 г. число усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ увеличилось въ Кубанской области на 46,706—и специально вѣялокъ на 9,010 и жатвенныхъ машинъ на 2,580.—По всей вѣроятности, и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ, имѣющихъ такое обширное сельское хозяйство, какъ Кубанская область, замѣчается подобное же быстрое распространеніе примѣненія къ земледѣлію машиннаго труда, который между прочимъ уменьшаетъ спросъ на полныхъ и относительно увеличиваетъ спросъ на неполныхъ рабочихъ, т. е. на женщинъ и подростковъ. Такъ какъ послѣдніе всюду получаютъ почти вдвое меньшую плату, чѣмъ первые, то введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ является крайне выгоднымъ для хозяйства, почему оно такъ быстро и сильно и распространяется (Тезяковъ, 72 стр.). Особенно вытѣсняютъ полныхъ рабочихъ и обезцѣниваютъ ихъ трудъ жатки и сноповязалки.—Распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, говоритъ д-ръ Тезяковъ, вовлекая все больше и больше въ сельскохозяйственныя работы женщинъ и дѣтей, на первыхъ порахъ прежде всего повысило среди рабочихъ число болѣе или менѣе тяжелыхъ машинныхъ поврежденій. Въ общемъ, это распространеніе крайне

невыгодно отразилось на всѣхъ сторонахъ положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ (стр. 73).

Все приведенное ясно показываетъ, что съ экономической стороны отхожие сельскохозяйственные промыслы представляютъ въ различныхъ отношеніяхъ такъ много невзгодъ, что едва-ли получаемыя отъ нихъ выгоды не только превышаютъ, но хоть только уравниваютъ первыя.

Въ числѣ мѣръ, съ помощью которыхъ можно бы хоть отчасти устранить указанныя невыгоды съ чисто экономической стороны, д-ръ Тезяковъ указываетъ на пользу сообщенія лечебнопродовольственнымъ пунктамъ значенія *рабочихъ биржъ*, гдѣ могутъ собираться и публиковаться свѣдѣнія относительно размѣровъ движенія рабочихъ, его направленія, спроса на рабочія руки, цѣнъ на нихъ и т. д. «Въ настоящее время, говоритъ д-ръ Тезяковъ, общественные органы, серьезно озабоченные упорядоченіемъ хаотическаго движенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ дѣйствительности не знаютъ ни размѣровъ этого движенія, ни его направленія, ни дѣйствительной потребности для каждой данной мѣстности въ рабочихъ рукахъ. Постоянное существованіе лечебнопродовольственныхъ пунктовъ съ характеромъ рабочихъ биржъ, широкой публикаціей всѣхъ свѣдѣній, касающихся дѣятельности каждаго изъ этихъ пунктовъ, внесетъ лучъ свѣта въ дѣло, до сего времени для всѣхъ темное, но отъ котораго теряютъ все—и рабочіе, и наниматели» (стр. 148).

Д-ръ Тезяковъ указываетъ, что всѣ попытки въ указанномъ направленіи, уже производящіяся на лечебнопродовольственныхъ пунктахъ, постоянно встрѣчали со стороны рабочихъ полное сочувствіе и глубокій интересъ. Очевидно, для возможно большей пользы дѣлу необходимо только болѣе организовать это дѣло, сообщивъ ему требуемые первой авторитетъ и постоянство. Въ виду громаднаго государственнаго и общественнаго значенія у насъ сельскохозяйственныхъ промысловъ, затрагивающихъ интересы милліоновъ людей, можно надѣяться, что такая организациія скоро осуществится, тѣмъ болѣе, что могущіе служить ей исходными пунктами лечебнопродовольственные пункты не только существуютъ, но успѣли уже оказаться въ высшей степени полезными учрежденіями.

Какъ уже сказано, лечебно-продовольственные пункты представляютъ соединеніе дешевыхъ и бесплатныхъ народныхъ столовыхъ съ бесплатными врачебными амбулаторіями. По даннымъ, приведеннымъ въ книгѣ д-ра Тезякова, въ 1893—95 гг. въ *дешевыхъ столовыхъ* лечебнопродовольственныхъ пунктовъ Херсонской губерніи обѣдало среднимъ числомъ только 35,7% всѣхъ рабочихъ, собиравшихся на рынкахъ и зарегистрированныхъ на артельные карты (162,850), причемъ около половины всѣхъ обѣдавшихъ обѣдало только по 1 разу. Изъ всего количества обѣдовъ (148,862) бесплатныхъ выдано было 13,4%.

Стоимость обѣдовъ была такая: за борщъ съ $\frac{1}{4}$ ф. мяса и $\frac{1}{20}$ ф. сала, кашу и 1 ф. чернаго хлѣба взималось 6 к., за борщъ и хлѣбъ—

5 к., за борщъ и кашу—4 к. и за одинъ борщъ—3 к. Плата эта близка, но все таки ниже дѣйствительной стоимости обѣдовъ. Не смотря на это, многіе рабочіе не имѣли средствъ внести и ее, а между тѣмъ, бесплатная выдача обѣдовъ допускалась только въ крайнихъ случаяхъ. Да и сами рабочіе просили ихъ только также въ крайнихъ случаяхъ, съ выраженіемъ «явнаго нравственнаго страданія на лицахъ», которое «свидѣтельствовало, что лишь голодъ заставлялъ ихъ обнаруживать свое положеніе, котораго они, очевидно, стыдились» (Тезяковъ, стр. 101).

Съ нѣкоторыхъ пунктовъ сообщали, что количество обѣдавшихъ было больше числа выданныхъ обѣдовъ, такъ какъ одинъ обѣдъ бѣли 2—3 человекъ.

Кромѣ большей или меньшей состоятельности рабочихъ, на число обѣдовъ имѣли и имѣютъ вліяніе болѣе или менѣе спросъ на рабочихъ и болѣе или менѣе удобство положенія пунктовъ. Такъ, въ 1894 г. дѣятельность дешевыхъ столовыхъ въ Херсонской губерніи выразилась въ 2½ раза меньшими цифрами, чѣмъ въ 1893 г., и именно потому, что спросъ на рабочихъ былъ болѣе и они разбирались на расхватъ (Тезяковъ, стр. 100). Сколько-нибудь значительное удаленіе столовыхъ отъ базаровъ и вообще отъ мѣстъ собранія рабочихъ обыкновенно сопровождается меньшимъ относительно количествомъ обѣдовъ, особенно въ базарные дни, когда рабочіе боятся отлучаться съ базаровъ въ столовые, чтобы не потерять нанимателей (Т. стр. 105).

Не смотря ни на что, необходимо признать, что устройство дешевыхъ и до извѣстной степени бесплатныхъ столовыхъ на мѣстахъ болѣе или менѣе значительнаго скопленія пришлыхъ рабочихъ является мѣрой, въ высокой степени благотворительной, почему и желательно возможно болѣе ихъ распространеніе. Поѣсть хоть изрѣдка горячаго и болѣе, чѣмъ обыкновенная ѣда, вкуснаго кушанья не простая прихоть, а удовлетвореніе вполне естественной потребности организма въ разнообразіи и извѣстномъ вкусѣ пищи и можно высказать только глубокое сожалѣніе по поводу того, какъ рѣдко громадной массѣ нашего рабочаго населенія приходится испытывать такое удовлетвореніе.

Еще болѣе важной, чѣмъ продовольственная, является *врачебная* сторона дѣятельности лечебнопродовольственныхъ пунктовъ, какъ единственно цѣлесообразныхъ учреждений въ противодѣйствіи всей массѣ вредныхъ въ санитарномъ отношеніи сторонъ отхожихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ, гибельныхъ какъ для пришлыхъ рабочихъ, такъ въ не меньшей степени и для здоровья кореннаго мѣстнаго населенія... Незначительныя затраты (въ 4—5000 р.) будутъ впредь вполне производительными, если лечебнопродовольственные пункты и дальше останутся только санитарными учрежденіями, какими они были до настоящаго времени. И въ теперешнемъ видѣ они, приходя во время на помощь рабочимъ, заболѣвающимъ въ дорогѣ, тѣмъ самымъ сохраняютъ для нанимателей

массу рабочихъ рукъ, съ другой стороны, способствуя выдѣленію заразныхъ больныхъ, охраняютъ и мѣстное населеніе отъ заболѣваній» (Тезяковъ, 149). Оправдывая такимъ образомъ расходы Херсонскаго земства, д-ръ Тезяковъ не упускаетъ изъ виду и громадную пользу указанныхъ пунктовъ для самихъ рабочихъ какъ въ видѣ возстановленія ихъ здоровья и слѣдовательно рабочей способности, такъ и въ видѣ предупрежденія заноса ими болѣзней на свою родину.

Собранные на лечебнопродовольственныхъ пунктахъ матеріалы ясно показываютъ, что «и съ санитарной стороны отхожіе сельскохозяйственные промыслы представляютъ массу темныхъ явленій, губительно вліяющихъ на здоровье и нравственность лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Санитарныя условія, сопутствующія отхожимъ сельскохозяйственнымъ промысламъ, создаютъ массу профессиональных заболѣваній у рабочихъ разныхъ половъ и возрастовъ (145). Большое участіе въ отхожихъ промыслахъ молодежи, дѣвушекъ и подростковъ мужчинъ, не можетъ не отражаться неблагоприятно какъ на ея нравственности, такъ и на здоровьи. По даннымъ врачебныхъ амбулаторій, среди рабочихъ, во время ихъ жизни въ экономіяхъ, часты повальные заболѣванія *брюшнымъ и сыпнымъ тифомъ, инфлюенцей* (гриппомъ), *кровоавымъ поносомъ*. Пришлые рабочіе въ 1½ раза чаще, чѣмъ мѣстные земледѣльцы-собственники, заболѣваютъ *перемежающейся* (болотной) *лихорадкой* и первые вообще въ большомъ количествѣ, чѣмъ вторые, страдаютъ *сифилисомъ* и притомъ съ преобладаніемъ переносимыхъ, заразительныхъ его формъ. Больше, чѣмъ мѣстное, страдаетъ пришлое населеніе отъ разнаго рода *болѣзней органовъ дыханія*, а особенно *пищеваренія*. Но особенно выдвигается сильное распространеніе среди пришлыхъ рабочихъ *заразительныхъ болѣзней глазъ*—прежде всего *конъюнктивитовъ* (катарральногнойныхъ воспаленій соединительной оболочки) и затѣмъ особенно опасной для зрѣнія *трахомы*.—Въ высшей степени характерно для пришлыхъ рабочихъ большое распространеніе среди нихъ такъ называемой *куриной слѣпоты* (гемералопии), которая служитъ обыкновенно выраженіемъ плохого питанія и потому является особенно распространенной въ массѣ населенія въ неурожайные годы, какъ это, напр., было въ 1891 г.—Очень значительное также распространеніе среди пришлыхъ рабочихъ представляютъ *болѣзни кожи и подкожной кѣтъчатки*, въ видѣ разныхъ сыпей, нарывовъ, ссадинъ, мозолей и т. п. Далѣе *травматическія поврежденія*, производимыя машинами, у пришлыхъ встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ у мѣстныхъ постоянныхъ работниковъ, очевидно болѣе аккуратныхъ и болѣе освоившихся съ дѣломъ (Тезяковъ, стр. 145, 146).

За 4 года на лечебнопродовольственныхъ пунктахъ Херсонской губерніи за медицинской помощью обращалось почти 10% (около 9,5%) всѣхъ зарегистрированныхъ на нихъ рабочихъ, слѣдовательно во время пути заболѣваетъ 1 изъ 10 рабочихъ.

Изъ всей массы больныхъ за 1893—95 гг. (около 17,600 челов.) около 10% (1,713 чел.) болѣли лихорадкой, около 2% кровавымъ поносомъ, около 0,7% (126 чел.) сифилисомъ, около 44,6% (7,847 чел.) глазными болѣзнями, около 11% (1895 челов.) болѣзнями кожи, около 10% (1,716 чел.) болѣзнями органовъ пищеваренія, около 6% (1,025 чел.) болѣзнями органовъ дыханія и около 3% (500 чел.) имѣли травматическія поврежденія. — Болѣзни глазъ занимаютъ очевидно первое мѣсто; онѣ имѣютъ мѣсто у 43 изъ 1000 чел. Сопоставляя данныя о заболѣваемости пришлыхъ рабочихъ по поламъ и возрастамъ, д-ръ Тезяковъ дѣлаетъ такой выводъ: «отхожіе сельскохозяйственные промыслы всею массою своихъ вредныхъ сторонъ болѣе вредно отражаются на здоровьи молодыхъ работниковъ и работницъ, особенно рѣзко ихъ вредное вліяніе замѣчается на заболѣваемости дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ и вообще на новичковъ въ отходѣ (стр. 142).

Изученіе данныхъ о заболѣваемости по мѣсту выхода рабочихъ между прочимъ показало, что сифилитиковъ было относительно больше среди приходившихъ изъ Полтавской (Золотоношскаго и Переяславскаго уѣздовъ), Черниговской и Херсонской губерній, а страдавшихъ куриной слѣпотой всего меньше среди кіевлянъ, которые вообще лучше другихъ обезпечиваютъ себя пищей и другими удобствами въ пути (стр. 143).

Принимая во вниманіе приведенныя данныя, нельзя не признать справедливыми такихъ выводовъ д-ра Тезякова: «Всѣ болѣе или менѣе крупныя хозяйства, со значительнымъ числомъ рабочихъ рукъ, должны находиться подъ фактическимъ санитарнымъ надзоромъ. Подобно промышленнымъ заведеніямъ, такія хозяйства должны нести спеціальныя расходы на организацію санитарнаго надзора. Санитарные врачи обязательно, а участковые по мѣрѣ возможности должны производить періодическіе (врачебные) осмотры экономическихъ рабочихъ, а также ихъ помѣщений и проч., по специально составленной для того программѣ. Въ видахъ защиты рабочихъ отъ тяжкихъ машинныхъ поврежденій, губернскимъ земствомъ должны быть изданы обязательныя постановленія относительно употребленія сельскохозяйственныхъ машинъ съ необходимыми предохранительными приспособленіями».

V.

Приведа выше наиболѣе существенныя наблюденія и выводы относительно экономического и санитарнаго значенія отхожихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ, приобрѣтенные на лечебнопродовольственныхъ пунктахъ Херсонской губерніи, я имѣлъ въ виду между прочимъ показать, насколько учрежденіе такихъ пунктовъ по путямъ движенія, на мѣстахъ скопленія кочевыхъ рабочихъ, важно и слѣдовательно желательно. Херсонское земство и Херсонскій земскій врачебный и санитарный персоналъ оказали въ этомъ отношеніи, въ качествѣ инициаторовъ, большую пользу

передвижной рабочей народной силѣ, чего нельзя не поставить имъ въ большую же заслугу. Было бы поэтому вполне справедливо такъ или иначе выразить Херсонскому земству со стороны нашего комитета свое сочувствіе и свою признательность.

Что касается специально труда д-ра Тезякова, то при оцѣнкѣ его нужно также имѣть въ виду и непосредственное участіе автора, въ качествѣ земскаго санитарнаго врача, въ дѣятельности и самой организаціи лечебнопродовольственныхъ пунктовъ. И самый его трудъ составленъ съ большимъ знаніемъ дѣла и полной добросовѣстностью, почему конечно заслуживаетъ поощренія.

Проф. *Ир. Скворцовъ.*

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБНА
БИБЛИОТЕКА

ХАРКІВСЬКИЙ
УНІВЕРСИТЕТ

предельно высокой производительности, т. е. в единицу времени можно получить наибольшее количество продукции. Это достигается за счет того, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии.

Уже известно, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии. Это достигается за счет того, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии.

Проф. Н. С. Смирнов. Это достигается за счет того, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии.

В процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии. Это достигается за счет того, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии.

Принципы организации производства. В процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии. Это достигается за счет того, что в процессе производства используются все силы и средства, а также за счет того, что в процессе производства используются все возможности техники и технологии.

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБОВА
БІБЛІОТЕКА Харків

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧБОВА
БІБЛІОТЕКА. Харків

V.N. Karazin Kharkiv National University

00420656 5